

Станислав
Васильевич
Тютюкин

Избранные труды

Станислав Васильевич Тютюкин

Избранные труды

СОБРАНИЕ

Москва • 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
---------------------------	---

Раздел первый

Теоретические и методологические проблемы

К вопросу о «революционном шовинизме» в годы Первой мировой войны	9
К истории создания статьи В.И.Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»	23
Гегемония пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революцион- ного движения в России: к теории и историографии вопроса.	48
Трудные дороги российской модернизации. Выступление на круглом столе «Власть и реформы в России»	63
Россия XIX — начала XX в. и вызовы времени	69

Раздел второй

Общественная мысль и социальные движения в России

Международное значение революции 1905–1907 годов: ленинская концепция и историография проблемы	105
Феномен массовых социальных движений	126
Реформы и революция 1905–1907 гг.	171
Последний шанс императорской России	179
Попытки либерализации самодержавного строя в России	185
Россия в царствование Николая I	193
Социал-демократическая модель общественного переустройства России	201
1905 г.: борьба за демократизацию России или «премьера русского абсурда»?	271
Россия: от Великой войны — к Великой революции	278
Начало Первой мировой войны и российская государственность	319

Раздел третий

Политические партии в России

«Оппозиция Его Величества» (партия кадетов в 1905–1917 гг.)	331
Меньшевики	361

СОДЕРЖАНИЕ

Меньшевизм как идейно-политический феномен	374
Рождение российской многопартийности	395
Социалистические партии России в годы Первой мировой войны	417

Раздел четвертый Биографии

Страница биографии Г.В.Чичерина (1914–1917 гг.)	457
Г.В.Плеханов	476
Лев Давидович Троцкий	520
Ленин и Бухарин: леворадикальное крыло марксизма в период Первой мировой войны	561
Ю.О.Мартов	574
Сергей Юльевич Витте и революция 1905–1907 гг. в России	587
Интеллект, побежденный властью: Александр I и М.М.Сперанский. Из материалов по проблеме «Власть и интеллект в императорской России»	594
Больше, чем любовь. (Граф Николай Шереметев и крепостная актриса Прасковья Ковалёва-Жемчугова)	606
Г.В.Плеханов и В.И.Ленин: штрихи к политическим портретам	620
Георгий Валентинович Плеханов	625
Александр Керенский: на пути к власти	653
Г.В.Плеханов и его так называемое «политическое завешание». (К 150-летию со дня рождения «отца русского марксизма»).	668

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания

И.Х.Урилов. Вновь и снова	676
И.М.Пушкарева. «Развивая идеи и дух просвещения, гуманизма и прогресса...»: С.В.Тютюкин и Дом Плеханова Российской национальной библиотеки	677
Г.З.Иоффе. Один из лучших историков нашего поколения	681
Ёсиро Икэда. Историк эпохи коренного перелома	682
В.Н.Казарин. Станислав Васильевич Тютюкин как ученый-педагог: страницы воспоминаний и ретроспективный анализ.	684
В.Ю.Карнишин. Становление историка и исследования Станислава Васильевича Тютюкина (частные заметки)	696
В.Л.Телицын. Что я помню	699
К.Н.Морозов. Воспоминания о С.В.Тютюкине	703
И.С.Удальцов. О сделанном и предстоящем	707
И.С.Удальцов. Станислав Васильевич Тютюкин. Краткий очерк биографии	713

Он мог бы стать прославленным боевым генералом или знаменитым ученым-естествоиспытателем, крупным инженером, блестящим адвокатом, тонким ценителем и знатоком искусства. Да мало ли кем еще мог стать этот щедро одаренный природой человек даже в царской России, не говоря уже о более свободных и цивилизованных странах, если бы он отдал свой талант богатым и власть имущим, закрыл глаза на нищету и страдания народа и думал только о своей карьере. Но наш герой выбрал другой путь, хотя и принадлежал к правящему, дворянскому классу. Он пошел тернистой дорогой революции, пошел добровольно и бескорыстно, ибо искренне считал ее кратчайшим путем к свободе, справедливости и счастью людей.

Этот очерк посвящен жизни и деятельности великого русского мыслителя и революционера Георгия Валентиновича Плеханова. Может быть, кто-то из читателей с досадой подумает: опять Плеханов, опять марксизм, опять революция... Не хватит ли? Ведь о Плеханове написано и сказано уже очень много. Существует довольно значительная биографическая, научная и научно-популярная литература о первом русском марксисте². Заслуженной популярностью пользуется выдержавшая несколько изданий повесть В.Д.Осипова «Подснежник», выпущенная Политиздатом в серии «Пламенные революционеры» и посвященная Плеханову. И все же все мы, писавшие и пишущие о Плеханове, еще в большом долгу перед ним: ведь своими конъюнктурными недомолвками, высокомерными, а порой и просто развязными пересудами о его действительных и мнимых ошибках, непременным желанием всегда и во всем сравнивать Плеханова с Лениным мы очень часто искажали и принижали подлинную роль этого крупнейшего исторического деятеля.

Как известно, отношения Ленина с Плехановым складывались достаточно сложно и прошли несколько этапов. Начинались они с восторженного поклонения ученика великому Учителю, на смену которому пришло горькое разочарование. Потом были деловое сотрудничество, яростные споры и примирения на основе взаимных уступок, полный разрыв личных отношений и политическое противостояние, отдельные полосы сближения позиций и новая борьба, кульминацией которой стала принципиально различная оценка Октябрьской революции 1917 года. Наконец, уже после смерти Плеханова

¹ Опубл.: Тютюкин С.В. Георгий Валентинович Плеханов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 233–280.

² Из биографических работ о Г.В.Плеханове хотелось бы выделить: Иовчук М.Т., Курбатова И.Н. Плеханов. М., 1977; Baron S. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963; Jena D. Georgi Plechanow. Historisch-politische Biographie. Berlin, 1989.

Ленин, проявив великодушие победителя и вполне понятную заботу о правильном воспитании новых поколений коммунистов, дал очень высокую оценку Плеханову-философу, которая стала для его теоретического наследия своего рода «охранной грамотой», защитившей первого русского марксиста от полного бесчестья и забвения.

Однако после смерти Ленина ситуация стала быстро меняться.

В декабре 1930 года Сталин дал установку: «Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину»¹. Так на долгие годы было закреплено предвзятое, подозрительное и недоброжелательное отношение к Плеханову со стороны официальных партийных и научных инстанций. Его произведения переиздавались сугубо выборочно, часть литературного наследия вообще упрятали в спецхраны, а полупризнание заслуг Плеханова неизменно сопровождалось многочисленными оговорками о его недостаточной «ортодоксальности». При этом последние 15 лет жизни Плеханова (так называемый меньшевистский период) неизменно изображались как великое «грехопадение» и почти непрерывная цепь теоретических и политических ошибок. И хотя в грозном 1941 г. имя Г.В.Плеханова, как великого патриота России, было вновь взято на вооружение партийными идеологами, это был всего лишь эпизод, мало менявший общую картину.

После XX съезда КПСС и особенно в связи со 100-летним юбилеем Г.В.Плеханова, широко отмечавшимся в 1956 году, ситуация стала постепенно меняться к лучшему. Но и сегодня у нас нет полного академического собрания его сочинений, а подлинное политическое лицо Плеханова во многом скрыто под густым слоем исторического «грима». Идущий сейчас лавинообразный процесс разрушения прежних стереотипов и мифов, гораздо более широкий, многоцветный диапазон взглядов на марксизм и социализм вызвали новую волну интереса к личности и идейному наследию Плеханова. До широкого читателя дошли многие тщательно скрывавшиеся прежде нелестные плехановские суждения о Ленине и Октябрьской революции. Имя Плеханова открывает длинный список исторических деятелей, к авторитету которых взывают иные лидеры оформившейся весной 1990 г. Российской социал-демократической партии.

Вместе с тем не смолкают и критические высказывания в адрес Плеханова, хотя теперь его ругают уже не за оппортунизм, а, наоборот, за излишнюю марксистскую ортодоксальность, борьбу против Бернштейна, за высказанную еще в 1903 г. мысль о возможности роспуска Учредительного собрания и т.д. Приходится слышать даже мнение о том, что Плеханов совершил чуть ли не преступление, умышленно скрыв от передовой русской общественности идею Маркса о возможности некапиталистического развития России и превращения крестьянской общины в фундамент будущего социалистического общества, и тем самым дал нарождавшейся российской социал-демократии ошибочную социальную ориентировку². Поистине ошеломляет диапазон высказываемых о Плеханове мнений. Так, одни искрен-

¹ См.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 65.

² См.: Куницын Г.И. Утаенное письмо // Диалог. 1990. № 7. С. 8–85.

не сожалеют, что в 1917 г. Россия пошла за Лениным, а не за Плехановым, тогда как другие видят в Плеханове духовного отца большевизма и предадут анафеме не только ленинизм, но и марксизм. Есть люди, которые ставят Плеханова как философа выше Ленина, а их оппоненты, напротив, признают в нем лишь талант популяризатора марксизма. Широко распространено мнение, что Плеханов сегодня просто скучен и безнадежно устарел, но тут же находятся и такие, кто предрекает его идеям второе и даже третье рождение.

В этих условиях, отнюдь не претендуя на новое прочтение всего плехановского наследия, нам хотелось бы в предлагаемом вниманию читателей очерке вернуться к некоторым ключевым моментам биографии Георгия Валентиновича Плеханова, связанным с процессом формирования его как личности и революционера. Ограниченный размер данной статьи позволил автору осветить лишь первую половину жизни Плеханова и его переход от народничества к марксизму. Но не будем забывать, что именно этот период имел решающее значение для всей последующей деятельности Плеханова и во многом предопределил его сложную, часто трагическую человеческую и политическую судьбу.

* * *

Шел 1856 г. В марте в Париже был подписан мирный договор, поставивший последнюю точку в неудачной для России Крымской войне, обнажившей всю гнилость самодержавно-крепостнической системы. Царизм оказался перед жестким выбором: крупные структурные реформы буржуазного характера или утрата страной положения великой мировой державы. Обращаясь к московским дворянам, новый царь Александр II заявил, что лучше освободить крестьян «сверху», чем ждать, когда они начнут сами освобождать себя «снизу». Глухо волновалась русская деревня, в дворянских гостиных яростно спорили консерваторы и либералы, а в далеком туманном Лондоне политический эмигрант Александр Герцен издавал «Полярную звезду», поражающую соотечественников смелыми откровениями. Словом, все общество пришло в движение: после тридцатилетней николаевской «зимы» начиналась долгожданная «оттепель»...

Именно в этом, 1856 г. 29 ноября (11 декабря по новому стилю) в деревне Гудаловке Липецкого уезда Воронежской губернии в семье потомственного дворянина, отставного штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова и его второй жены, Марии Федоровны, внучатой племянницы великого русского критика Виссариона Белинского, родился сын Георгий. Если от первого брака у В.П.Плеханова было пять сыновей и три дочери (одна из них, Мария, стала матерью будущего большевика, наркома здравоохранения Н.А.Семашко), то от второго — четыре сына и три дочери.

Сразу же заметим, что отношения Георгия с его родными сестрами (братья умерли очень рано) складывались довольно сложно. Александра Валентиновна была причастна к освободительному движению, виделась с Г.В.Плехановым после его эмиграции в Швейцарию, но уже в конце 80-х годов пропала без вести (возможно, она покончила жизнь само-

убийством). С другой сестрой, Варварой, он встретился только в 1909–1911 гг., когда она вместе с мужем приезжала за границу повидаться с братом. Никакой духовной близости с Георгием Валентиновичем у далекой от социалистических убеждений и крайне религиозной Варвары не было. Жизнь третьей, младшей сестры Плеханова, Клавдии, сложилась на редкость тяжело. Контакт с братом она установила в 1909 г., и Георгий Валентинович оказал на нее большое идейное влияние. Еще больше сблизил их поездка Клавдии за границу летом 1910 г. Сохранилась очень интересная переписка между Г.В. и К.В. Плехановыми, хранящаяся в Доме Плеханова в Ленинграде, где Клавдия Валентиновна работала последние годы своей жизни.

Материальное положение Плехановых по дворянским стандартам было довольно незавидным: второй семье Валентина Петровича осталось немногим более 90 десятин земли в Гудаловке и небольшой дом в Липецке, где Георгий проводил летние месяцы в 1873–1876 гг. Мы не знаем, какое количество крепостных принадлежало Плехановым накануне 1861 г., но в середине XIX в. у них было около 20 ревизских душ. Таким образом, это была типичная мелкопоместная дворянская семья, с трудом сводившая концы с концами. Интересно отметить, что, составляя в начале 80-х годов завещание, мать Г.В. Плеханова сочла нужным сделать следующую приписку: если сын Георгий вернется на родину и будет прощен правительством, то сестры должны будут выплатить ему четвертую часть стоимости завещанного им недвижимого имущества¹. Выполнить волю Марии Федоровны, очень любившей своего первенца, им так и не пришлось.

В жилах Плехановых — и об этом красноречиво говорит сама их фамилия — текла не только русская, но и татарская кровь. Недаром известный революционер Андрей Желябов после бурных споров с Георгием Плехановым в 1879 г. на Воронежском съезде народнической организации «Земля и воля» в сердцах сказал ему: «Я страстен, но вы превзошли меня, в вас сидит татарин». Эта шутка очень понравилась Плеханову, который со смехом рассказывал о ней своим близким².

Валентин Петрович Плеханов, как и его отец, был офицером, но служба сложилась для него неудачно. Был он человеком прямым, резким, справедливым, напоминал чем-то старого князя Болконского из романа Л.Н.Толстого «Война и мир», а таким людям всегда трудно найти место в жизни. Уже в 24 года В.П. Плеханов расстался с армией, перешел на гражданскую службу, а в феврале 1849 года вышел в отставку, оставив должность старшего заседателя от дворян в Липецком уездном суде. От отца Георгий унаследовал смелость, твердый, независимый характер, привычку к строгому порядку в мыслях и житейских делах, отвращение к разного рода излишествах, большое трудолюбие. Он навсегда запомнил и часто повторял отцовский завет: работать надо всегда, умрем — отдохнем. Но от отца же шли и некоторые отрицательные качества Г.В. Плеханова: вспыльчивость, раздражительность, болезненное самолюбие, подозрительность.

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.

² Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1928. Сб. 6. С. 69.

Мать Георгия была полной противоположностью мужу: добрая, впечатлительная, отзывчивая к людскому горю. Она сама учила детей русскому и французскому языкам, арифметике, музыке — ведь Мария Федоровна окончила Тамбовский институт благородных девиц, а затем служила гувернанткой в помещичьих семьях. Можно смело сказать, что своими гуманистическими идеалами, хорошим воспитанием и артистизмом натуры Георгий Валентинович был в значительной степени обязан матери.

Чтобы лучше представить себе ту обстановку, в которой проходило детство Георгия Плеханова, стоит перечитать «Записки охотника» И.С.Тургенева, где как будто оживают пленительные картины природы среднерусской полосы и замечательные образы крестьян, в которых крепостной строй не убил душевную чистоту, трудолюбие, сметливость, талант. Георгий часто играл с крестьянскими ребятишками, участвовал в сельскохозяйственных работах, ездил на лошади. Наблюдая отношения между отцом и его бывшими крепостными, мальчик получал первые наглядные уроки социальной грамоты, возмущался отцовским деспотизмом и всегда становился на сторону матери, пытавшейся помочь крестьянам.

В 12 лет Георгия отдали сразу во второй класс Воронежской военной гимназии, которую окончили и его старшие сводные братья. Сначала мальчик был одним из лучших воспитанников, постоянно получая различные поощрения и награды, но в последнем, шестом классе он занимал по успеваемости лишь десятое место, а по поведению даже имел оценку 8 баллов по 12-балльной системе. В декабре 1872 года вместе с двумя товарищами Плеханов был подвергнут двухдневному аресту с содержанием в карцере за чтение недозволенной литературы. «Пропавшим» человеком считал Георгия и гимназический священник.

Большое и благотворное влияние на юного Плеханова оказал в гимназии учитель-словесник Н.Ф.Бунаков — настоящий просветитель, гуманист, человек, преклонявшийся перед декабристами, Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым. Он привил своему воспитаннику любовь к родному языку и литературе, научил правильно говорить и писать, видеть в литературных произведениях отражение общественной жизни. Отголоски уроков Бунакова, несомненно, чувствуются во многих литературно-критических произведениях Плеханова, и прежде всего в его блестящих очерках, посвященных жизни и творчеству русских революционеров-демократов. Кроме того, Бунаков дал Плеханову огромный нравственный и гражданский заряд, который тот пронес через всю свою жизнь.

В мае 1873 г. умер в возрасте 63 лет Валентин Петрович Плеханов, а в августе Георгий поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. Так началась его жизнь в столице, где он особенно сблизился со своим сводным братом Митрофаном, учившимся тогда в Академии Генерального штаба. Митрофан был образцовым молодым офицером, который мог служить отличным примером для младшего брата. Вдобавок их соединяло горячее увлечение теорией Дарвина, сыгравшей большую роль в

формировании мировоззрения юного Георгия. В свободное от занятий время братья Плехановы были просто неразлучны.

К несчастью, в 1876 г. при не выясненных до конца обстоятельствах Митрофан погиб (он был найден мертвым в Киеве, куда его направили служить после окончания академии, возле памятника князю Владимиру: говорили, что он либо застрелился, либо погиб на тайной дуэли из-за женщины).

Однако очень скоро Георгий, близко познакомившийся с товарищами Митрофана и успевший узнать нравы, царившие в офицерской среде, понял, что военная карьера не для него. Не проучившись в училище и четырех месяцев, он подал прошение с просьбой освободить его от службы по состоянию здоровья и вернулся к матери в Гудаловку. Осенью следующего, 1874 г., успешно сдав экзамены по физике и математике, Георгий поступил в Петербургский Горный институт и с головой ушел в занятия. Особенно захватила его химия. Немало счастливых часов провел он и в залах Императорской Публичной библиотеки (ныне Библиотека имени М.Е.Салтыкова-Щедрина). Помимо учебной литературы Плеханов читал здесь книги по философии, истории, политэкономии, быстро расширяя свой кругозор.

Студент Плеханов заметно отличался своим внешним видом от классических «нигилистов» 1860–1870-х гг. Он одевался чисто, аккуратно, без франтовства, волосы зачесывал назад, а небольшую темно-русую бородку своевременно подстригал. Георгий был вежлив, умел вести себя в обществе. Обращало на себя внимание его умное, выразительное лицо с темно-карими, чуть-чуть монгольскими глазами, которые строго, а порой насмешливо смотрели на собеседника из-под густых бровей и длинных ресниц. Стройный, по-военному подтянутый, хорошо сложенный, он заметно выделялся среди своих сверстников и не мог не нравиться женщинам.

Но главным для Плеханова были учеба и те общественно-политические интересы, которыми жило тогдашнее демократическое студенчество. Напомним, что это было бурное, тревожное время. Весной 1874 г. началось массовое «хождение в народ», захватившее студентов и разночинную интеллигенцию, которые решили последовать призыву П.Л.Лаврова и вернуть свой социальный долг обездоленному крестьянству и бедному городскому люду. При этом Лавров делал ставку на основательную подготовку социальной революции путем организации широкой разъяснительной работы в народных массах. Еще большую популярность имели идеи М.А.Бакунина, выступавшего за ликвидацию революционным путем всякого государства и замену его свободным союзом народных общин. Народ, по мнению Бакунина, давно готов к бунту и ждет лишь сигнала революционеров, чтобы броситься в бой. Нужно только слить воедино разрозненные мужицкие восстания, и идеи анархического социализма будут воплощены в жизнь. В основе всех народнических планов лежала идея особого, некапиталистического пути развития России, где крестьянская община могла бы стать первичной ячейкой будущего социалистического общества. Очень скоро жизнь показала хрупкость и утопичность этих надежд, но романтическое обаяние народнических

идеалов было так велико, что ими буквально дышало целое поколение передовой русской молодежи.

Эта молодежь была знакома не только с бакунизмом и лавризмом, но и с идеями А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева, П.Н.Ткачева, С.Г.Нечаева, Н.К.Михайловского. Одновременно она жадно следила за тем, что происходило в идейной жизни Запада, где все большую силу набирал марксизм. Каким же путем пойдет Россия, как помочь ее многострадальному народу, что должна делать демократическая молодежь? Все эти вопросы не могли не волновать ту большую студенческую семью, членом которой стал в 1874 г. Георгий Плеханов.

Получив после окончания первого курса Екатерининскую стипендию (для этого помимо отличной успеваемости потребовалось еще свидетельство о бедности, представленное матерью институтскому начальству), Георгий смог несколько поправить свое более чем скромное материальное положение и снять вместе со студентом-медиком А.И.Успенским квартиру на Кронверкском проспекте. Сюда к Успенскому часто заглядывали революционеры-народники, с которыми познакомился и Плеханов, быстро увлекшийся идеями Бакунина. В конце 1875 г. состоялась его первая встреча с рабочим С.В.Митрофановым, которая буквально перевернула прежние представления Георгия о пролетариате как темной, забитой, лишенной всяких духовных интересов массе.

Постепенно Плеханов начал выполнять отдельные поручения революционеров, предоставлял свою комнату для их сходов, расширял круг «опасных» знакомств. Так, например, он познакомился со своими будущими друзьями Павлом Аксельродом и Львом Дейчем. Особенно сильное впечатление произвел на Плеханова Аксельрод, который был на шесть лет старше его и уже несколько лет активно участвовал в народническом движении. Запомнился Георгию недоуменный вопрос нового знакомого: «Если вы так долго будете изучать химию, то когда же начнете работать для революции?»¹ Вскоре народники поручили Плеханову вести занятия в рабочих кружках, а в марте 1876 г. он был впервые задержан полицией, подвергся допросу, но за отсутствием улик через несколько часов освобожден. Так произошло его первое «боевое крещение», довольно скоро получившее более серьезное продолжение.

Источники о генезисе революционных настроений Плеханова в 1875–1876 гг. крайне скудны. Его темпераментная, деятельная натура подталкивала к бакунистскому «бунтарству», но неудача первых же народнических попыток расшевелить крестьян и поднять их на борьбу, а также близкое знакомство с передовыми петербургскими рабочими направили его энергию в несколько другое русло. На практике Плеханову пришлось вести свои первые занятия с рабочими не столько в «бунтарском», сколько в общепросветительском духе, поскольку его слушатели хотели прежде всего пополнить свои знания о природе и обществе. Одновременно работал над собой и сам

¹ См.: Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. С. 156–157.

«лектор»: известно, что в 1876 г. он изучал в кружке, которым руководил Иван Фесенко, первый том «Капитала» Маркса в переводе Даниельсона и Лопатина (заметим, что сторонником материалистического объяснения истории в духе Маркса был и тогдашний кумир Плеханова Бакунин).

Характеризуя позже те взгляды, которые сложились у него на втором курсе Горного института, Г.В.Плеханов вспоминал: «Как и все студенты-революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбцем и собирався идти “в народ”, понятие о котором было у меня, однако, — опять-таки как и у всех студентов-революционеров того времени — очень смутным и неопределенным. Любя “народ”, я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне»¹.

В условиях Петербурга, где жил теперь Плеханов, «народ», естественно, ассоциировался у него прежде всего с рабочими. Близкое знакомство с ними дало Георгию очень многое. Лучшие представители петербургского пролетариата поразили его своей грамотностью, тягой к умной, хорошей книге, отсутствием приниженности и покорности, коллективизмом, высоко развитым чувством социальной справедливости. Это был совершенно новый для Плеханова, но удивительно привлекательный мир людей труда, которые притягивали его — своим оптимизмом, задором, стремлением к самосовершенствованию. Недаром он с такой неподдельной теплотой и большой симпатией описал позже свои первые контакты с петербургским рабочим людом в знаменитых воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении».

Плеханов откровенно признавал там, что народническая идеализация крестьянства и выдвинутая еще Герценом самобытная теория «русского социализма» мешали ему в 1870-е гг. подойти к рабочему вопросу с правильных позиций. «Проникнутые народническими предрассудками, — писал Георгий Валентинович, — все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны — мы все-таки считали нужным “заниматься с рабочими” и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные “поселения в народе”». Народники шли к рабочим, если так можно выразиться, «против теории» и проповедовали им идеи бакунизма, который учил презирать «буржуазные» политические права и свободы и рисовал в виде соблазнительного идеала крестьянскую общину. «Слушая нас, — заключал Плеханов, — рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и “бунтарским” духом, мог научиться сочувствовать “серому” мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная

¹ Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 128.

задача, социально-политическая задача пролетариата»¹. Когда же передовые рабочие стали доходить до этого собственным умом, то, как свидетельствует программа «Северного союза русских рабочих» (1878 г.), они оказались гораздо ближе к западноевропейским социалистам, чем к правоверным народникам.

В 1876 г. революционная пропаганда среди петербургских рабочих приняла уже довольно широкие размеры. Кружки народнического направления существовали за Невской и Московской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонах, в ряде других районов и в пригородах. Именно рабочие и предложили устроить в самом центре Петербурга, на площади у Казанского собора, политическую демонстрацию. Предполагалось собрать там как можно больше рабочих, прослушать революционную речь, а затем поднять над толпой красное знамя как символ борьбы и грядущей революции. Тем самым рабочие хотели открыто заявить, что они не будут стоять в стороне от начатого интеллигенцией освободительного движения. Революционеры-народники поддержали эту идею, и, как писал позже Плеханов, так называемая Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г. явилась первым крупным плодом сближения народников из «Земли и воли» с петербургским пролетариатом².

Организация «Земля и воля», делавшая в 1876 г. свои первые шаги, продолжила дело одноименной тайной революционной организации, существовавшей в 1861–1864 годах. У истоков ее стояли Марк Натансон, Александр Михайлов, Валериан Осинский, к которым позже присоединились такие выдающиеся революционеры, как Сергей Кравчинский, Николай Морозов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Андрей Желябов и другие. Землевольтцев вдохновляли идеи М.А.Бакунина, хотя постепенно они отходили от «чистого» бакунизма. С «Землей и волей» связал свою судьбу и Георгий Плеханов, хотя нам и неизвестно точное время его вступления в эту организацию.

Г.В.Плеханов не только принял самое активное участие в подготовке Казанской демонстрации, но и стал настоящим ее героем. Этот день был его первым «звездным часом», ознаменовавшим начало более чем сорокалетнего беззаветного служения пролетарскому делу. Не случайно юбилейная для Плеханова декабрьская дата торжественно отмечалась в русских социал-демократических кругах в 1901, 1911 и 1916 гг. Стоит отметить, что и сама площадь перед Казанским собором в 1923 г. была названа именем Плеханова и носила его до конца Великой Отечественной войны. В том же 1923 г. в честь Георгия Валентиновича были названы одна из прилегающих к собору улиц и мост, а через год на площади был поставлен первый временный памятник великому революционеру (вскоре он был демонтирован и затем в новом варианте установлен перед зданием Ленинградского технологического института).

События, связанные с Казанской демонстрацией, подробно описаны Г.В.Плехановым в воспоминаниях «Русский рабочий в революционном дви-

¹ Там же. С. 140–141.

² Там же. С. 123–124.

жении», хотя о своей личной роли в ней он скромно умолчал. Рабочих пришло сравнительно немного, всего 200–250 человек. Гораздо больше было учащейся молодежи, что в общем и целом отражало реальное соотношение сил в освободительном движении России на его разночинском этапе. Ожидая подхода новых участников демонстрации, группа рабочих зашла в собор и попросила отслужить молебен за здоровье раба божьего Николая. Дело в том, что 6 декабря праздновались именины царского внука (будущего Николая II), однако, заказывая молебен, рабочие имели в виду не маленького царевича, а Николая Гавриловича Чернышевского, находившегося тогда в сибирской ссылке.

После окончания молебна на парапет соборной колоннады поднялся 20-летний, почти никому еще не известный Плеханов и произнес первую в своей жизни публичную речь, посвященную Чернышевскому и революции. «Друзья! — начал он. — Мы только что отслужили молебен за здоровье Николая Гавриловича и других мучеников за народное дело. Вам, собравшимся здесь работникам, давно пора знать, кто был Чернышевский. Это был писатель, сосланный в 1864 г. на каторгу за то, что волю, данную царем-освободителем, он называл обманом». Далее Плеханов говорил о тяжелой доле крестьян и рабочих, уделом которых является нищета, и о тех, кто поднял свой голос в защиту народа, — декабристах, петрашевцах, каракозовцах, нечаевцах, долгушинцах, участниках народнического движения. Плеханов подчеркнул, что все они стояли за народное дело, начатое Разиным, Пугачевым и Антоном Петровым, который возглавил восстание крестьян в селе Бездна в 1861 г. и был за это расстрелян. «Друзья! Мы собрались, чтобы заявить здесь пред всем Петербургом, пред всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя. На нем написано — земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно — да здравствует Земля и Воля!» — закончил свою речь Плеханов¹.

В этот момент над демонстрантами взметнулось красное знамя с девизом «Земля и Воля», которое держал в руках поднятый над толпой 16-летний рабочий с текстильной фабрики Торнтон Яков Потапов. Речь Плеханова и появление красного знамени были встречены демонстрантами рукоплесканиями и революционными возгласами. Полиция попыталась схватить оратора, но рабочие окружили его плотным кольцом. Началась свалка, во время которой Плеханов сумел невредимым выбраться с Казанской площади. Более 30 демонстрантов были арестованы и преданы суду².

Казанская демонстрация и речь Плеханова получили большой общественный резонанс. Текст речи распространялся в виде революционных прокламаций, а также был опубликован П.Л.Лавровым в издававшемся за рубежом журнале «Вперед». Отныне за Плехановым прочно утвердилась подпольная кличка Оратор. Значение Казанской демонстрации состоя-

¹ Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 417–418.

² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. 3. С. 150–156; Канн П.Я. Казанская площадь. Л., 1988. С. 113–118.

ло не только в том, что это была первая революционная демонстрация в России, но и в том, что народники впервые попытались здесь перейти от узкой кружковой пропаганды к революционной агитации в более широких слоях рабочих. И знаменательно, что эта попытка была связана с именем Плеханова.

В самом выступлении Плеханова на Казанской площади (в том виде, в каком оно дошло до нас) еще трудно угадать будущего властителя дум целого поколения русской революционной молодежи. Чувствуется, что Плеханов волнуется, торопится, сознательно упрощает свою речь. Вместе с тем уже здесь ощущается его темперамент, большая эмоциональность, умение найти контакт с аудиторией. Обращают на себя внимание исторические параллели, проводимые оратором. Все это свидетельствовало о том, что в лице Плеханова в русское революционное движение входит яркое молодое дарование, горячий и искренний человек, готовый целиком уйти в революцию. И хотя само по себе обращение Плеханова к рабочим еще не означало смены социальных приоритетов в народнической среде, его роль в истории рабочего класса России и в личной судьбе Георгия Валентиновича была поистине огромна.

Участие в Казанской демонстрации круто изменило жизнь Плеханова. Ему пришлось перейти на нелегальное положение и в начале 1877 г., чтобы сбить со следа полицию, срочно выехать за границу. Так решило руководство «Земли и воли». Тайный переход границы, короткая остановка в Швейцарии, несколько недель в Германии, поездка в Париж, встречи с Лавровым... Первое в жизни Плеханова заграничное путешествие и знакомство с немецкими социал-демократами, которые показались ему слишком «пресными» и послушными кайзеровским законам, не изменили народнических взглядов молодого русского революционера. Летом того же года он нелегально вернулся в Россию.

К этому времени Плеханов был уже отчислен из Горного института «по малоуспешности». При этом в документе, подписанном 27 июня 1877 г. директором Горного института, многозначительно подчеркивалось, что поведение студента Плеханова за время обучения было очень хорошим. Вероятно, директор хотел таким образом как-то оправдаться перед всемогущим Третьим отделением, которое могло поставить ему в вину неблагодарность Плеханова. Любопытно, что, когда летом 1918 г., уже после смерти Георгия Валентиновича, его секретарь обратился в Горный институт за документами, связанными со студенческими годами Плеханова, заместитель директора института изменил в копии этого свидетельства формулировку причин отчисления студента Плеханова: вместо «малоуспешности» — применительно к великому мыслителю и теоретику марксизма это звучало бы по меньшей мере неубедительно — теперь фигурировал уже иной, более правдоподобный мотив исключения: непосещение лекций¹.

¹ Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1925. Сб. 3. С. 315.

Однако справедливости ради нужно сказать, что, увлекшись революционной работой, Плеханов действительно плохо сдал экзамен за второй курс, был лишен стипендии и даже оставлен на «второй год» на этом же курсе. В дальнейшем начались затруднения со взносом платы за обучение. В итоге Плеханов фактически расстался с Горным институтом еще до того, как летом 1877 г. появился документ об его окончательном отчислении.

Плеханов понимал, что в Петербурге его ждет арест, и поэтому решил поехать в старинный «бунтарский» край — Поволжье, чтобы поработать там сельским учителем и поближе узнать крестьян. Однако осуществить этот план не удалось. Несколько месяцев провел Плеханов в Саратове, где начал вести пропагандистскую работу среди местных рабочих и интеллигенции, но случайный арест, вновь закончившийся для него вполне благополучно, заставил молодого революционера вернуться в Петербург.

Все более осложнялись и его семейные дела. Еще в октябре 1876 г. Георгий обвенчался с Натальей Смирновой, которая была на четыре года старше его. Для Плеханова это было, по-видимому, первое, очень искреннее и пылкое увлечение: его не остановило даже то, что невеста ждала ребенка от другого мужчины — тоже участника революционного движения, оказавшегося в тюрьме. Что касается его избранницы, то она не могла не оценить благородства Плеханова, но настоящей любви к мужу у нее никогда не было. Поездки Плеханова в Саратов еще более отдалили Наталью Александровну от Георгия. Когда же на горизонте вновь появился ее первый возлюбленный, то прерванный его арестом роман возобновился с новой силой. Правда, в 1878 г. она родила Плеханову сына Николая, который, однако, вскоре умер, и семья окончательно распалась. Тем не менее Наталья Александровна до конца жизни носила фамилию Плеханова и дала ему развод только через 30 лет. Она стала врачом и умерла в 1922 г. в станице Усть-Лабинской на Кубани. Ее дочь Надежда, тоже носившая фамилию Плеханова, дожила до 1948 г. и последнее время работала в Государственной библиотеке СССР имени В.И.Ленина.

В самом конце 1877 г. Плеханов вновь блеснул ораторским талантом на похоронах Некрасова (интересно отметить, что среди выступавших был также Ф.М.Достоевский). Его снова, как и во время Казанской демонстрации, пытались арестовать, и снова Плеханову удалось скрыться.

Дальнейшее развитие получили в это время и контакты Плеханова с петербургскими рабочими. В начале декабря 1877 г. по вине администрации произошел взрыв на Василеостровском патронном заводе, который привел к гибели шести рабочих. В эти дни родилась первая листовка, написанная Плехановым и обращенная к рабочим. В ней разоблачался истинный виновник взрыва — дирекция завода, не обращающая никакого внимания на технику безопасности, а также выражался протест против грабительской системы штрафов, существовавшей тогда на всех предприятиях России.

«Рабочие! Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого! Не дожидетесь вы ее от начальства!» — писал Плеханов. Необычной была

концовка этого документа, завершавшегося вопросом: «Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ?!»¹

Весной 1878 г. Плеханов принял участие в получившей большой общественный резонанс стачке рабочих на Новой бумагопрядильне в Петербурге. В «Вольной русской типографии», устроенной революционерами-землевольтцами в столице, была напечатана тогда вторая прокламация Плеханова «К рабочим всех фабрик и заводов» с призывом к солидарности с бастующими товарищами и сбору средств для помощи их семьям. Кроме того, Плеханов сам бывал на петербургских фабриках и заводах и разговаривал с рабочими, занимаясь своеобразной «летучей» агитацией. Характерно, что первым выступлением Плеханова в легальной печати стала серия его заметок о стачке на Новой бумагопрядильне, опубликованная в столичной газете «Новости»². Тогда же, в марте 1878 г., он в третий раз был арестован, но уже через день его выпустили за отсутствием улик.

Колоссальное впечатление на Плеханова произвел выдающийся русский рабочий-революционер Степан Халтурин, с которым его впервые свела судьба во время подготовки к похоронам рабочих патронного завода в декабре 1877 г. Красивый, умный, как бы устремленный в будущее, это был настоящий русский талант-самородок, соединивший в себе качества блестящего организатора, пропагандиста, агитатора. Вместе с тем это был подвижник и романтик революции, который еще на заре рабочего движения мечтал, например, о всеобщей стачке петербургских рабочих или о будущей всероссийской пролетарской организации, значительно опережая в этом отношении интеллигентов-народников из «Земли и воли». Не случайно именно Халтурин стал одним из создателей «Северного союза русских рабочих», ставившего перед пролетариатом уже не только социальные, но и политические задачи: свержение самодержавия и завоевание политических свобод. В 1879 г. Халтурин вступил на путь террористической борьбы и в марте 1882 г. погиб на виселице. Его памяти Плеханов посвятил несколько поистине прекрасных страниц в уже упоминавшихся выше воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении», опубликованных в 1890–1892 гг. Знал Плеханов и рабочего Петра Моисеенко — будущего руководителя знаменитой Морозовской стачки 1885 г.

В народнических кругах Плеханов заслуженно считался главным специалистом по «рабочему вопросу». Он научился понимать психологию рабочего человека, легко находил с ним общий язык, а при желании и сам легко мог сойти за симпатичного молодого мастерового (известна его фотография в костюме рабочего, относящаяся к 70-м годам XIX века). В конце 1870-х гг. Плеханов еще выступал как один из наиболее последовательных теоретиков общинного социализма, но вместе с тем призывал своих товарищей по «Земле и воле» обратить особое внимание на пролетариат. Вопрос о городском рабочем, подчеркивал он в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879 г.), выдвигается самой жиз-

¹ Литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 81.

² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. 3. С. 425–427.

нию на подобающее ему место вопреки априорным теоретическим построениям революционных деятелей. «Не представляя западноевропейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее воспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому они явятся драгоценным союзником крестьян в момент социального переворота», — делал вывод Плеханов¹.

Однако революционная деятельность Плеханова в тот период не ограничивалась пролетарской средой. Так, весной 1878 г. его привлекли к редактированию окончательного варианта программы «Земли и воли». По свидетельству народника О. В. Аптекмана, Плехановым был написан и проект адреса студентов министру юстиции графу Палену с протестом против преследований за социалистические убеждения, которые сравнивались с расправой турецких башибузуков с мирным болгарским населением².

Однако как правоверный народник-бакунист, Плеханов был убежден, что основной революционной силой в России будет крестьянство. Поэтому он продолжал мечтать о работе в деревне и летом 1878 г. отправился на Дон, где казаки волновались тогда в связи с введением земского самоуправления и правительственными распоряжениями об ограничении пользования лесами. В этих условиях в «Земле и воле» возникла идея поднять казачество на борьбу за сохранение его прав и вольностей. Сохранился текст воззвания «Славному войску казацкому — донскому, уральскому, кубанскому, терско-му и пр. и пр.», написанный Плехановым, который предполагалось отпечатать в Петербурге и затем распространить в казачьих станицах. Кроме того, Плеханов рассчитывал привлечь к агитационной работе на Дону еще нескольких молодых энергичных революционеров. С этой целью Плеханов возвратился в столицу, но здесь его дальнейшие планы неожиданно изменились: нужно было срочно укреплять землевольческую организацию в Петербурге.

На плечи Плеханова легла огромная организационная работа по ликвидации последствий произведенных полицией арестов. В это время он особенно сблизился с Александром Михайловым (Дворником) — великим мастером по части конспирации и подпольной техники, отдававшим революции все силы и время. Распоряжаясь финансами «Земли и воли», Михайлов не тратил на себя лишнюю копейку. И на обед, и на ужин он довольствовался куском хлеба с кашей. И хотя живший с Дворником на одной конспиративной квартире Плеханов уже давно привык к разного рода лишениям, его молодой здоровый организм в конце концов все-таки взбунтовался. Однажды произошел комический случай. Квартирная хозяйка зашла к своим жильцам, чтобы согласовать с ними обеденное меню. Михайлов, заикаясь, заказал, как всегда, «каши-и-цу да пожи-и-ж-же», а Плеханов вдруг сказал: «А мне бифштекс». Его друг был так потрясен этим «бунтом», что растерянно пробормотал: «Ну,

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Пг., 1925. Т. 1. С. 69–70.

² См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 381.

тогда и мне бифштекс». Долго потом вспоминали революционеры-подпольщики этот свой «пир»¹.

Землеволюцы не только быстро оправились от понесенных ими потерь, но и сумели в конце 1878 года наладить издание нелегального журнала «Земля и воля», появление которого повергло всесильное тогда Третье отделение в состояние величайшего изумления и возмущения «наглостью» революционеров. Г.В.Плеханов вместе с Д.А.Клеменцем и Н.А.Морозовым стали редакторами «Земли и воли», а затем по настоянию А.Д.Михайлова Георгий Валентинович начал писать и сам.

По мнению Михайлова, для революционера не было ничего невозможного. «Я никогда не написал двух строф, — говорил он, — но если бы дело требовало, чтобы я написал стихотворение, я уверен, что добился бы этого». Придерживаясь таких взглядов, он стал требовать от Плеханова заметок и статей для «Земли и воли». «Пиши, Жорж! Ты обязан писать! Ты можешь!» — внушал он ему изо дня в день², пока Плеханов действительно не взялся за перо и не написал корреспонденции о волнениях донских казаков и о новой стачке на петербургской бумагопрядильной фабрике в ноябре 1878 г. Все эти материалы были опубликованы во втором номере «Земли и воли», увидевшем свет 16 декабря 1878 г. В третьем и четвертом номерах журнала появились новые интересные корреспонденции Плеханова о волнениях столичных фабричных рабочих. «Видишь, Жорж, говорил я, что из тебя выйдет писатель! Но ты превзошел мои ожидания!» — повторял с довольной улыбкой Дворник³.

Особенно удачной оказалась уже упоминавшаяся выше статья Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», которая была напечатана в январе-феврале 1879 г. в двух номерах «Земли и воли». Автор обнаружил здесь знакомство с некоторыми положениями марксизма, хотя и поставил Маркса в один ряд не только с Энгельсом, но и с такими неизмеримо менее значительными мыслителями, как немецкий экономист Родбертус и философ Дюринг. Однако Плеханов был убежден тогда в том, что теория Маркса о последовательной смене общественно-экономических формаций неприменима к России, поскольку сохраняющаяся здесь крестьянская община может спасти ее от капитализма.

Вторая часть статьи была посвящена некоторым практическим вопросам развития рабочего движения в России. Плеханов не скрывал, что видит в пролетариате лишь наиболее развитую часть крестьянства («цвет деревенского населения»), сохраняющую традиционную связь с деревней. Значение рабочего движения, по его мнению, состояло в том, что оно отвлекает силы правительства от борьбы с крестьянскими восстаниями и выдвигает из среды пролетариата революционных агитаторов, которые, подобно «воровским прелестникам» времен Разина и Пугачева, будут бунтовать крестьян. Кроме того, Плеханов высказал ряд важных соображений о методах революцион-

¹ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 168–169.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 55.

³ Там же. С. 57.

ной агитации на фабриках и заводах, роли стачек в сплочении рабочих, а также о некоторых основных принципах функционирования подпольных пролетарских организаций. Характерно, что уже тогда Плеханов считал необходимым подчеркнуть один очень важный момент: «Организация русского рабочего сословия, — писал он, — конечно, не может брать себе за образец тех способов организации, которые практикуются в Западной Европе», ибо условия их деятельности слишком различны. Большое значение имела и мысль Плеханова о необходимости особенно строгого и осмотрительного отбора членов тайной революционной рабочей организации, ибо неизбежная ограниченность ее состава должна компенсироваться «исключительными способностями и преданностью делу со стороны лиц, посвященных в ее тайны...»¹

В конце статьи Плеханов ставил и тот вопрос, который весной 1879 г. особенно волновал членов «Земли и воли», — вопрос о революционном терроре. Как известно, первые террористические акты революционеров-народников, направленные против высших представителей царской администрации (выстрел Веры Засулич в генерала Трепова, убийство Сергеем Кравчинским шефа жандармов Мезенцева и др.), имели место еще в 1878 г. и были с одобрением встречены всеми землевольцами, в том числе и Плехановым. Как и другие революционеры, он принимает в то время решение при аресте не отдаваться без сопротивления в руки полиции и учиться владеть разными видами оружия. В агентурных донесениях о Плеханове того времени говорится, что он «всегда вооружен», а из воспоминаний близких товарищей явствует, что под подушку Георгий Валентинович всегда прятал тогда револьвер, кастет и кинжал, причем на одной из конспиративных квартир он регулярно упражнялся в искусстве владения холодным оружием².

Вначале антиправительственный террор воспринимался в революционной среде как месть за полицейский произвол и средство самозащиты от посягательств правительственной власти, лишь дополняющие агитационно-пропагандистскую деятельность в народе. При этом жестокость правительства служила для революционеров и моральным оправданием «красного» террора. Недаром в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» Плеханов писал, что ни один мыслящий человек не упрекнет рабочую организацию, если она ответит царизму ударом на удар, отплатив за «белый», правительственный террор террором революционным. Однако когда в апреле 1879 г. с согласия руководителей «Земли и воли» произошло неудачное покушение А.Соловьева на Александра II, результатом которого стали казнь самого революционера и усиление правительственных репрессий, среди землевольцев возникли серьезные разногласия по вопросу о целесообразности и масштабах террористической деятельности.

Часть революционеров, включая Михайлова и Желябова, предлагали сосредоточить основные силы «Земли и воли» на терроре, и прежде всего

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. 1. С. 74.

² См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 204; Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 310–311.

на цареубийстве, тогда как Плеханов и некоторые его товарищи решительно возражали против этого, считая крутой поворот к политической борьбе и особенно к «большому» террору изменой принципам народничества. В их доводах, безусловно, была логика: если основой всех общественных отношений являются отношения экономические, рассуждал Г.В.Плеханов, то подлинное освобождение народа может быть только результатом социально-экономической революции, совершаемой самим народом. Что касается борьбы за политическую свободу по западноевропейскому образцу, то он пойдет на пользу только имущим классам, прежде всего буржуазии, и ничего не даст народу. Больше того, укрепляя позиции буржуазии, политическая борьба отдалит тем самым социальный переворот, являющийся ближайшей целью народнической организации.

Однако в обстановке назревавшей в России начиная с 1878 г. революционной ситуации, когда стало ясно, что народ не готов к немедленному восстанию и не откликается на призывы народников, сама жизнь поставила вопрос о пересмотре старой народнической тактики. Ставка на крестьянство оказалась в тот момент несостоятельной, тогда как волнения рабочих, студенческие беспорядки и даже земская оппозиция, наоборот, набирали силу. «Оставаться только зрителями этого движения, — говорил Александр Михайлов, — значит признать свою полную ненужность для народа и неспособность дать ему что бы то ни было. При таком способе действий мы как партия уничтожаемся, выходим в тираж»¹. Исходя из этого, большинство землевольцев пришло к выводу о необходимости временно свернуть работу в деревне и сосредоточиться на организационной и агитационной деятельности среди рабочих, студентов, офицеров, а главное — на терроре.

Плеханов правильно предупреждал своих товарищей, что каждая новая террористическая акция будет стоить все новых провалов и арестов революционеров и что даже в случае успеха террор приведет лишь к перемене отдельных лиц в правительстве, но не к смене политической системы, ибо он не сможет изменить соотношение общественных сил в стране. Однако, отрицая во имя народнической догмы «политику» вообще, Плеханов сам совершал ошибку, на исправление которой ему понадобилось несколько лет.

Жизнь все больше разводила Плеханова с большинством его товарищей по борьбе. Продолжения теоретических статей Плеханова в пятом номере «Земли и воли» так и не появилось, но зато там была опубликована в качестве передовой статья Льва Тихомирова с призывом разбить старую государственную машину и заменить ее хотя и не идеальным, но демократическим государственным строем, обеспечивающим народу возможность дальнейшего развития. Наряду с «Землей и волей» стал выходить «Листок “Земли и воли”» под редакцией убежденного сторонника террора Н.А.Морозова. Споры завершились демонстративным уходом Плеханова с Воронежского съезда землевольцев в июне 1879 г.

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 99.

Это была одна из самых драматичных страниц в жизни Георгия Валентиновича. Можно представить себе, что пережил он в те жаркие летние дни, чувствуя свое полное бессилие переубедить товарищей, и как тяжело далась ему последняя фраза, произнесенная на съезде: «В таком случае, господа, мне здесь больше делать нечего». Охрипший голос и бледность выдали его волнение, душевную боль, надежду на то, что его сейчас позовут назад... Но друзья промолчали. Со стороны Плеханова это был честный, мужественный поступок, свидетельствовавший о его готовности отстаивать свои принципы до конца и идти, если надо, против течения. Он считал безнравственным оставаться в организации, не разделяя ее политическую линию, интриговать против своих же товарищей, создавать какие-то фракции. Этого он не простил бы себе никогда.

Из Воронежа путь Плеханова лежал в Киев, где жила тогда Розалия Марковна Боград. Она родилась в том же 1856 г., что и Георгий Валентинович, в еврейской семье на юге России. Ее отец сначала был крестьянином, потом занялся торговлей, разбогател, стал арендовать землю. Роза закончила гимназию и поступила на женские медицинские курсы в Петербурге. В 1876 г. она вошла в кружок, занимавшийся помощью политзаключенным и ссыльным каторжанам, а затем уехала работать фельдшерницей в одну из самарских деревень, занимаясь там одновременно социалистической пропагандой и культурно-просветительной работой. Зимой 1877 года Роза впервые встретилась с Жоржем, как называли тогда Плеханова все знакомые революционеры.

Шла Русско-турецкая война, и Роза Боград вскоре уехала в Румынию, где размещался один из русских военных госпиталей. Осенью 1878 г. она возвратилась в Петербург, вступила в землевольческую организацию и взялась за пропаганду среди рабочих. Так ее судьба снова пересеклась с судьбой Плеханова. Вскоре молодые люди стали мужем и женой, хотя их и не связывал церковный брак, поскольку Н.А.Плеханова упорно не соглашалась на развод. Второй брак Георгия Валентиновича оказался очень удачным: всю дальнейшую жизнь он прошел рука об руку с Розалией Марковной Боград, ставшей ему верной, любящей и бесконечно преданной женой, другом, товарищем по борьбе. Ее природный ум, спокойный, ровный характер, энергия, житейская практичность, оптимизм, знание медицины (она стала врачом) помогали Плеханову преодолевать выпавшие на его долю невзгоды и испытания, тяжелую болезнь, долгие годы эмиграции.

В Петербурге Плеханову и его жене часто приходилось менять квартиры: ведь за Георгием Валентиновичем шла настоящая полицейская охота. На примете у властей была и Р.М.Боград. Их ангелом-хранителем стал знаменитый Николай Клеточников, работавший по заданию «Земли и воли» в Третьем отделении и своевременно узнававший о планах тайной полиции. В начале апреля 1879 г., за два дня до выстрела Соловьева в царя, он предупредил Плехановых о необходимости как можно скорее покинуть столицу. Так Р.М.Боград-Плеханова оказалась в Киеве, а сам Георгий Валентинович — сначала в Ростове, а затем в Воронеже.

Приехав из Воронежа к жене, Плеханов быстро наладил связи с киевским революционным подпольем, стал посещать библиотеку, много читал и писал, обдумывая планы на будущее. Между тем в августе 1879 г. было решено разделить «Землю и волю» на две организации — «политики» объединились в «Народной воле», «деревенщики», выступавшие за продолжение работы в деревне, — в «Черном переделе». Расстались полюбовно: партийная касса и оборудование типографии были поделены поровну. Получив известия из Петербурга о создании «Черного передела», в рядах которого оказались приехавшие из-за границы Вера Засулич, Лев Дейч и Яков Стефанович, Плеханов поспешил в столицу. Через некоторое время в Киев пришло письмо, в котором он сообщил жене, что «дело» налаживается и что он останется в столице. Туда же выехала и Розалия Марковна.

В Петербурге Плехановы поселились вместе, прописавшись по фальшивым паспортам на имя дворян Семашко — сводной сестры Георгия Валентиновича — Марии и ее мужа. Плеханов остриг бородку и усы и настолько изменил свою внешность, что сделался практически неузнаваемым. Квартирку в Графском переулке, где жили «супруги Семашко», посещали лишь ближайшие товарищи Плеханова. Его контакты с внешним миром были сведены к минимуму. В конспиративных целях пришлось прекратить и агитационную деятельность среди рабочих, и посещения любимой Публичной библиотеки. Особенно тяжело переживал Плеханов недостаток необходимых книг. «Так писать нельзя! — жаловался он жене. — Надо учиться... Если бы мне хоть годика два поработать на свободе, в большом культурном центре! Наша революционная литература невежественна потому, что статьи пишутся наспех людьми без достаточного образования; между тем надо поставить революционную литературу на большую высоту, чтобы общество не имело права относиться к ней сверху вниз! Только тогда наша литература будет иметь влияние»¹.

Вся энергия Плеханова уходила в последние месяцы 1879 г. на руководство «Черным переделом» и подготовку к изданию его одноименного печатного органа. Перед Георгием Валентиновичем вставали все новые и новые вопросы, прежде всего вопрос о соотношении между социалистическим идеалом и текущей политической борьбой. Народовольцы утверждали, что при существующих в России порядках социальный и политический перевороты здесь должны практически слиться и один без другого немыслимы. Так шли поиски компромисса между старыми народническими принципами и столь подозрительной в глазах бакунистов «политикой». Кроме того, в теоретическом арсенале «Народной воли» вскоре появился еще один аргумент в пользу политической борьбы: нежелание играть на руку буржуазии, которая могла бы воспользоваться самоустранением революционеров от политики в своих собственных корыстных целях и в ущерб народу. Во всех этих доводах следовало серьезно разобраться, тем более что рассчитывать на быстрое осуществление анархистских идеалов разрушения всякого государства, по видимому, не приходилось.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 101.

Большие сомнения стали закрадываться в душу Плеханова и при чтении научной литературы, посвященной крестьянской общине: книги земского статистика Орлова «Общинное владение в Московском уезде» и работы выдающегося русского историка и социолога М.М.Ковалевского «Общинное землевладение: причины, ход и последствия его развития». Содержавшиеся в них данные о разложении крестьянской общины подрывали самые основы народнического мировоззрения. Р.М.Плеханова вспоминала: «Мне живо помнится, какое глубокое впечатление произвела на него (Плеханова. — С.Т.) в ту знаменательную зиму книга статистика Орлова “Общинное владение в Московском уезде”. Это серьезное исследование, которое беспощадно било по той основе, на которой строили революционные народники все будущее народного счастья, вызвало драматичный момент в жизни Плеханова. Не соглашаться с этими цифрами нельзя было. Эту книгу мы читали вместе, останавливались на каждом факте. Я помню страстные комментарии Плеханова по поводу этих фактов, которые он не оспаривал, но был горячо убежден, что горю можно еще помочь массовым революционным взрывом — “черным переделом”, который спасет общину от разложения. В это чтение Г.В. вкладывал все существо свое; казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, являлся для него вопросом жизни или смерти. По-моему, начало поворота в политическом и социалистическом мировоззрении, еще мало, быть может, осознаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнести к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой скромного статистика Орлова»¹.

В начале 1880 г. в журнале «Русское богатство» была напечатана ответная статья Плеханова «Поземельная община и ее вероятное будущее». В ней он прямо ставил вопрос о том, что перед русской (как, впрочем, и всякой другой) поземельной общиной открываются лишь два пути — «своевременный переход к общинной эксплуатации полей или разрушение в борьбе с нарождающимся капитализмом». Для Плеханова уже не было секретом, что среди крестьян интенсивно идет процесс социальной дифференциации и что община фактически разделена на две части, каждая из которых враждебна по отношению к другой. И все же автору статьи казалось (по крайней мере ему очень хотелось убедить в этом и читателей, и самого себя), что решающую роль в процессе разложения общины играют внешние, а не внутренние факторы (государственные налоги, грабеж со стороны ростовщиков и т.д.), действие которых может быть нейтрализовано благодаря крестьянской революции и социалистическим устремлениям интеллигенции². Таким образом, несмотря на все свои сомнения и колебания, Плеханов еще оставался в то время, по собственному признанию, народником до конца ногтей³.

В январе 1880 г. под редакцией Плеханова и при самом активном его участии вышел в свет первый номер нового народнического периодического

¹ Там же. С. 94.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. 1. С. 107, 102–103, 106.

³ Там же. Т. 3. С. 125.

издания «Черный передел», почти весь тираж которого был, правда, захвачен полицией при налете на подпольную типографию. Перечитывая сегодня плехановские материалы, подготовленные для «Черного передела», и сравнивая их с его предыдущими статьями, испытываешь такое чувство, будто прямо на глазах совершается великое таинство рождения нового публицистического таланта — настолько сильно и ярко они написаны. Здесь есть все, что нужно для такого рода статей: большая, принципиально важная тема, четкость мысли, отточенное литературное мастерство, необыкновенная красочность и эмоциональность изложения. Пафос гневного обличения правительства, чувство сострадания к народу, призыв к революционной борьбе буквально пронизывают статьи Плеханова, сохраняя силу своего воздействия на читателя даже через сто с лишним лет после первой публикации.

В общем и целом Плеханов еще выступает в «Черном переделе» с позиций бакунизма. Он пишет о том, что вся история России — это история борьбы двух полярно противоположных начал человеческого общежития: народно-общинного и государственно-индивидуалистического. Основными принципами первого являются коллективизм, мирская взаимопомощь и солидарность, второго — насилие, принуждение и эксплуатация. Боевой девиз революционеров «Земли и воли», фактически взятый ими у самого народа, как бы аккумулирует в себе вековое стремление крестьянина к свободе общинного самоуправления и самоуправления, признание равного права всех тружеников на землю, принцип свободного соединения общин в более крупные территориальные единицы.

В противовес этому государство то и дело насильственно вторгается в жизнь народа, уродует и безжалостно кромсает живую ткань его обычаев, попирает права. Формы этого насилия, продолжает Плеханов, могут быть самыми различными — от насильственного спаивания народа до не менее насильственного введения в русской деревне культуры картофеля, но суть политики царского правительства от этого не меняется.

Выход из сложившейся ситуации видится Плеханову в радикальной ломке всех общественно-экономических отношений, и прежде всего в аграрной революции. Обосновывая свой основной тезис, он пишет: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим». При этом Плеханов отсылает читателя к своей более ранней статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма», как бы подчеркивая этим верность старым, землевольческим взглядам¹.

Кратчайший путь к осуществлению аграрной революции Плеханов видит в уничтожении в России государства, ибо именно это последнее держит в кабале весь народ, поддерживая, в частности, в деревне кулачество и ростовщический капитал и подкапываясь, таким образом, под самые основы тра-

¹ Там же. Т. 1. С. 114.

диционного общинного уклада народной жизни. «Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самостоятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного недовольства и для сообщения народу путем пропаганды словом и делом правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «черного передела», долженствующего свершиться сверху, до активных требований “земли и воли”, предъявляемых снизу», — так формулирует Плеханов задачи организации «Черный передел»¹.

Между тем новое неудачное покушение народовольцев на царя в ноябре 1879 г. вызвало в петербургском полицейском ведомстве такой прилив активности, что в руководящей группе «Черного передела» был поставлен вопрос о временном выезде Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича за границу. Сначала Георгий Валентинович яростно сопротивлялся этому плану, расценивая свой отъезд как настоящую измену революционному делу и только начинавшему становиться на ноги «Черному переделу». Вдобавок в семье Плехановых вот-вот должен был появиться ребенок. Но товарищи продолжали настаивать, и в конце концов Плеханову пришлось сдаться.

Новый, 1880 г. начался для Георгия Валентиновича и Розалии Марковны с разлуки: сам Плеханов 3 января нелегально покинул Россию, а его жена с крохотной дочкой Верочкой на время осталась на родине. Вскоре она получила от мужа письмо с просьбой приехать в Швейцарию. Сомнения Розалии Марковны разрешила одна из ее приятельниц, тоже участвовавшая в работе подпольного кружка П.Б.Аксельрода, членом которого была жена Плеханова. «Плеханов стоит того, чтобы отдать ему жизнь, — сказала она. — Этим вы больше сделаете для революции и русского народа, чем покинув его и отдавшись общественному делу. Поезжайте, Розалия Марковна, и как можно скорей»². Повидавшись в Одессе с родителями и получив от отца заграничный паспорт на имя своей двоюродной сестры и деньги, Р.М.Плеханова в начале июня 1880 г. приехала в Швейцарию, оставив дочь в России на попечение верной Т.В.Полляк. Вскоре девочка заболела и умерла.

За границей Плеханов обосновался в Женеве, где было много русских политических эмигрантов. Сюда же приехали Засулич и Дейч. Каждую неделю происходили эмигрантские собрания и диспуты, на которых горячо обсуждались последние новости из России и причины раскола между народовольцами и чернопеределъцами. Для Плеханова и его друзей ситуация складывалась крайне неблагоприятно: героическая и очень активная деятельность народовольцев пользовалась у русских эмигрантов и представителей прогрессивной западноевропейской общественности, включая Маркса и Энгельса, такой популярностью и была окружена таким ореолом самопожертвования и мученичества, что выступать с критикой «Народной воли» было занятием не только трудным и неблагодарным, но и почти безнадежным. С другой сто-

¹ Там же. С. 117.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 111.

роны, становилось все более очевидно, что дела «Черного передела» на родине идут плохо, тогда как симпатии к «Народной воле» в демократических кругах России растут буквально с каждым днем. Сам Плеханов и его друзья также не могли по-человечески не восхищаться борьбой народовольцев с царизмом.

Находясь в Женеве, Плеханов взялся за переиздание первого и подготовку второго номеров «Черного передела», которые вышли почти одновременно, в октябре-ноябре 1880 г. Чувствуется, что в душе Плеханова идет в это время упорная борьба между признанием определенного значения политической борьбы и его старыми анархистскими взглядами. Он пишет, что Россия стоит перед выбором: либо общество, движимое чувством самосохранения, добьется у правительства политических реформ, которые обещает новый любимец царя Лорис-Меликов, либо «гордиев узел современной безурядицы будет разрушен топором крестьянина». При этом первый вариант развития событий на родине представляется Плеханову более вероятным. Анализируя конституционную альтернативу революции, Плеханов прямо пишет о том, что русские революционеры приветствуют всякую борьбу за права человека и сочувствуют ей. «Мы знаем цену политической свободы, — подчеркивает он, — и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место». Но было бы очень печально, продолжает Плеханов, если бы увлеченные политической борьбой революционеры отошли от агитационно-пропагандистской работы в народе, предоставив ему стихийно искать правильный путь борьбы за свое социальное освобождение. «...Рассуждая даже исключительно с точки зрения нашего влияния на ход политических событий в России, — заключал Плеханов, — мы должны поставить деятельность в народе превыше всех задач, как источник нашей силы и наших успехов в борьбе с врагами, которых в конституционной России у нас, конечно, будет не менее, чем теперь, и которые всеми силами будут стараться затруднить нашу деятельность, помешать нашей пропаганде, объявить нас вне закона»¹.

Плеханов убежден, что главное для народа — это его экономическое освобождение, тогда как вопросы политические имеют для крестьян и рабочих второстепенное значение, если не игнорируются ими совершенно. Исходя из этого, он по-прежнему выступает как сторонник аграрной революции и требует направить все силы революционеров на работу среди народа. Характерно, однако, что к концу 1880 года Плеханов уже признает, что поскольку нужда все больше отрывает крестьянина от земли и гонит его в город, постольку «центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам». А это означает, что работа революционеров в пролетарской среде приобретает в России все большее значение, ибо еще неизвестно, в деревне или в городе будут вербоваться главные силы социально-революционной партии в час грядущей революции. Поэтому революционеры должны укрепиться и на фабрике, и в деревне, написав на своем знамени

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 125–126.

ни девиз «Рабочий, бери фабрику, крестьянин — землю!» и связав воедино революционные организации промышленных и земледельческих рабочих¹.

Затрагивает Плеханов во втором номере «Черного передела» и вопрос о методах революционной работы в народе. Признавая большое значение социалистической пропаганды, он тем не менее справедливо считает, что по-настоящему расшевелить массу рабочих и крестьян может только революционная агитация. Больше того, Плеханов решительно протестует против любого «усечения» революционных лозунгов ради придания им «доходчивости» и «популярности» в менее развитых слоях населения. Организация поземельного кредита, увеличение наделов, уменьшение податей, расширение крестьянского самоуправления и ограждение его от произвола администрации — все эти требования хороши только как повод для революционной агитации, считает Плеханов, но единственной целью такой агитации должно быть приведение указанных частных требований «к одному общему знаменателю экономической революции»².

Таким образом, оказавшись за границей, Плеханов еще по-прежнему верит в особый, отличный от Запада путь развития России и считает, что она может перескочить от феодализма и самых начальных стадий капитализма сразу к социализму. При этом государство представляется ему силой, органически неспособной стать активным участником трансформации общества на социалистических началах. Отсюда и его скептическое отношение к политической борьбе за изменение существующего государственного строя, хотя в целом позиция Плеханова по этому вопросу, несомненно, становится в 1880 г. более гибкой, чем прежде. К этому его подталкивали и известия из России, и впечатления, полученные им в Швейцарии, где он на собственном опыте смог убедиться в том, что такое политическая свобода.

Одной из причин, побудивших Плеханова согласиться на выезд за границу, было желание продолжить свое образование, поработать в хороших европейских библиотеках, послушать лекции крупных ученых. Поэтому в Женеве он стал посещать лекции в местном университете, часто пропадал в библиотеке. Но вскоре его начали тяготить женевский провинциализм, эмигрантские склоки, яростные нападки сторонников «Народной воли» на чернопередельцев.

Хорошо еще, что Плеханов не знал тогда поистине убийственного отзыва К.Маркса об осевших в Швейцарии чернопередельцах: «Эти люди — большинство их (не все) являются теми, кто добровольно покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву! что за qui rio quo (чепуха. — С.Т.)!). Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством...»³, —

¹ Там же. С. 131.

² Там же. С. 130.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 380.

так писал Маркс Ф.Зорге в ноябре 1880 г. Оценка эта была не очень объективной и отражала как давнюю вражду Маркса с Бакуниным, так и крайне субъективный, пристрастный и неблагоприятный для членов «Черного передела» характер информации, которую Маркс и Энгельс получали тогда из русских революционных кругов.

Осенью 1880 г. супруги Плехановы двинулись в «столицу мира» Париж.

Крупнейший культурный и экономический центр, город славных революционных традиций, Париж навсегда покорило сердце Георгия Валентиновича и Розалии Марковны. Их приезд во Францию совпал с оживлением там демократического и рабочего движения. После десятилетней ссылки в Новую Каледонию в столицу вернулись парижские коммунары, восторженно встреченные народом. В конце 1880 г. в Гавре прошел съезд Рабочей партии, принявшей выдержанную в целом в марксистском духе программу. На рабочих собраниях и в печати шла острая полемика между прудонистами, сторонниками реформизма — так называемыми пассивистами, марксистами, анархо-синдикалистами. Но главное, что поразило Плеханова после тихой, умиротворенной, немного мещанской Швейцарии, — это бьющая ключом, открытая, чуть легкомысленная и в то же время очень интеллектуальная жизнь французской столицы, полная свобода и непринужденность в высказывании своего мнения, поистине фантастическое разнообразие взглядов, вкусов, привычек.

Каждый проведенный в Париже день был заполнен у Плеханова до предела: работа в библиотеке, посещение лекций в Сорбонне, рабочие собрания, встречи с П.Л.Лавровым, французским социалистом Жюлем Гедом, немецким социал-демократом эмигрантом Фольмаром... Особенно много значило для Плеханова знакомство с Гедом: ведь последний также увлекался раньше бакунизмом, был знаком с работами Чернышевского, а затем стал одним из первых пропагандистов марксизма во Франции. Можно с большой долей уверенности предположить, что эволюция взглядов Геда заставила о многом задуматься и Плеханова. То, что жена Геда была русской, ускорило его сближение с Георгием Валентиновичем.

Жили Плехановы и приехавшая к ним из России подруга Розалии Марковны — Теофилия Полляк очень бедно. Главным источником их существования была помощь родителей Р.М.Плехановой, а также мелкие случайные заработки. Особенно не везло Георгию Валентиновичу: однажды он взялся переводить какой-то роман, но издатель исчез, не заплатив ни гроша; затем Георгий Валентинович стал за мизерную плату надписывать конверты, но заказчик грубо оскорбил его, и он ушел, так и не взяв честно заработанных денег.

Жизнь в кредит, многочисленные долги, переезды с квартиры на квартиру, ожидание рождения ребенка, а затем заботы о маленькой Лидии-Софье, которая появилась на свет в мае 1881 г. (ее второе имя было дано в честь Софьи Перовской), работа над статьей для «Отечественных записок» по вопросам политэкономии — вот чем запомнилось Плеханову это трудное, но счастливое время, проведенное в Париже и маленькой французской дере-

вушке Мольери. В конце лета 1881 г. Розалия Марковна перебралась с дочерью в Швейцарию, обосновавшись в местечке Божи близ Клара, а затем туда приехал и Георгий Валентинович.

Вести с родины не радовали Плеханова. Он оказался прав: убийство Александра II 1 марта 1881 г. не внесло никаких коренных изменений в политический строй России. Оправившись от шока, вызванного гибелью отца и страхом за свою собственную жизнь, новый русский царь Александр III не только поставил крест на конституционных проектах Лорис-Меликова, но и санкционировал переход правительства в решительное наступление на все прогрессивные силы страны. С другой стороны, развитие в России капитализма все больше убеждало Плеханова в том, что старая народническая теория «самобытности» трещит по всем швам.

Очень напряженно и противоречиво складывались в то время и отношения между двумя главными фракциями русского народнического движения — народовольцами и чернопеределцами, пути которых постоянно пересекались и в России, и в эмиграции. Общая конечная цель, наличие многочисленных точек соприкосновения в практической деятельности, наконец, сознание необходимости объединения усилий в борьбе с царизмом создавали почву для попыток их взаимного сближения. Соратники Плеханова по «Черному переделу» Дейч, Засулич, Стефанович, Аксельрод явно сочувствовали борьбе народовольцев, да и сам Георгий Валентинович, решительно расходясь с ними по целому ряду принципиальных вопросов, считал их в конечном счете товарищами, а не противниками. Достаточно сказать, что в марте 1880 г. он принял участие в кампании в защиту народовольца Льва Гартмана, который был арестован во Франции как участник одного из покушений на царя, причем, ко всеобщей радости, в результате переговоров революционеров с французским правительством оно отказалось от намерения выдать Гартмана царским властям. Вскоре была достигнута также договоренность об издании силами народовольцев, чернопеределцев, П.Л.Лаврова и некоторых других русских эмигрантов-социалистов «Русской социально-революционной библиотеки». В этом предприятии принял участие и Плеханов.

Народовольцы тоже пытались как-то наладить отношения с чернопеределцами. Так, в начале 1882 г. Исполнительный комитет «Народной воли» обратился к заграничным товарищам, в том числе к Плеханову, Засулич, Дейчу и Аксельроду, с письмом, где подчеркивалось, что народовольцы, стремясь к государственному перевороту, отнюдь не игнорируют революционную работу в массах, в частности среди рабочих. Был поставлен вопрос о целесообразности объединения «Народной воли» и «Черного передела».

Однако чем дальше, тем больше у Плеханова крепло убеждение о необходимости полной идейной переориентации русского революционного движения с учетом западноевропейского опыта. Речь шла уже не о том, чтобы чернопеределцы сделали шаг к признанию «политики», а народовольцы повернулись лицом к деревне и отказались от террора. Требовалась смена мировоззренческих позиций, переоценка социально-экономической ситуации в России, новый взгляд на перспективы русской революции и ее движущие

силы, кардинальное изменение тактики революционеров. Знакомство с марксизмом и европейским рабочим движением давало Плеханову новую точку опоры, подсказывало наиболее перспективное направление теоретических поисков.

Пройдет совсем немного времени, и Плеханов скажет: «Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь некоторыми, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время она без ведома своих участников будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому Новому времени новый костюм Потребен для нового дела»¹.

Однако путь Плеханова и его товарищей к новой революционной теории был достаточно долгим и трудным, да и отношения их с Марксом и Энгельсом, прямо скажем, сложились далеко не сразу. Еще в феврале 1881 г., когда Плеханов жил в Париже, Вера Засулич, которую к тому времени знала уже вся революционная Европа (решающую роль в этом сыграл ее выстрел в Трепова и последовавший за этим громкий судебный процесс, закончившийся ее оправданием), обратилась из Женевы с письмом к Марксу. В нем ставился самый больной тогда для русских народников вопрос о судьбах крестьянской общины. Тяжелобольной Маркс написал четыре черновых варианта ответа и 8 марта направил своей русской корреспондентке письмо, где подчеркнул, что в «Капитале» — а именно этот фундаментальный труд упоминала в своем послании Засулич — нет доводов ни за, ни против жизнеспособности общины в России. Тем не менее Маркс считал нужным без обиняков высказать свое мнение по этому вопросу, хотя и облек его в несколько туманную с точки зрения практических рекомендаций форму: община, писал он, может стать точкой опоры социального возрождения России, если устранить те вредные влияния, которым она подвергается со всех сторон, и обеспечить ей нормальные условия свободного развития. При этом Маркс специально извинился перед Верой Засулич за то, что по состоянию здоровья не смог подготовить свой ответ в таком виде, чтобы его можно было сразу же опубликовать в печати.

Сейчас, как уже отмечалось нами выше, много говорят о том, что Плеханов совершил своего рода «нравственное преступление», скрыв вместе с Засулич это письмо Маркса от русской общественности. При этом упускается из виду одна маленькая, но весьма существенная деталь: мнение Маркса по данному вопросу было изложено не только в письме к Вере Засулич, но и в предисловии авторов к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (январь 1882 года), которое было в том же году опубликовано дважды: в феврале в Петербурге в журнале «Народная воля» (по просьбе чернопередельцев) и в мае — в Швейцарии, в брошюре с плехановским переводом

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 95.

«Манифеста». Интересующее нас место этого предисловия гласило: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная ответственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития». Одновременно в предисловии высказывалась мысль о том, что Россия представляет собой «передовой отряд революционного движения в Европе»¹.

Трудно сказать сейчас, почему в 1911 году члены группы «Освобождение труда» на запрос меньшевика Д.Б.Рязанова об этом письме Маркса, черновики которого были обнаружены им у Лафарга, ответили, что ничего не знают о таком документе². Если учесть, что личные отношения с Рязановым были у Плеханова давно испорчены, можно предположить, что Георгий Валентинович просто не хотел вести с ним какие-либо переговоры по этому вопросу, тем более что письмо было адресовано Засулич и, как уже говорилось выше, не предназначалось Марксом для печати. Не исключено, что Г.В.Плеханов и В.И.Засулич действительно забыли об этом письме, которое долгие годы лежало в старой корзине для бумаг у П.Б.Аксельрода, причем последний даже не знал об этом, получив на хранение связку документов от Засулич.

Что касается существа дела, то Плеханов имел полное право на самостоятельное мнение по вопросу о русской общине, которое могло не совпадать и действительно не совпало с мнением Маркса. Ведь уже в конце 1881 года в письме к Лаврову Плеханов заявил, что Россия вступила на путь капиталистического развития и все другие пути для нее закрыты. Одновременно Плеханов признавался тому же Лаврову, что авторитет Маркса стоит для него столь высоко, что он сто раз подумает, прежде чем не согласиться с его взглядами³. И если уж Плеханов, который, кстати говоря, еще совсем недавно думал об общине то же самое, что Маркс, изменил свою точку зрения, значит, он сделал это вполне сознательно, действительно сто раз обдумав свое решение.

Кстати говоря, черновые варианты ответа Маркса Засулич показывают, что его позиция по вопросу о судьбах общины была совсем не однозначной. В частности, Маркс считал вполне реальным такой вариант развития событий, когда община в условиях «мирного» развития капитализма в России погибнет под ударами государства, помещика, ростовщика и центробежных сил, вызванных социальным разложением самого крестьянства⁴. И хотя Плеханов не мог знать всех этих оттенков во взглядах Маркса, он фактически просто солидаризировался именно с этой второй Марксовой альтернативой.

Что касается некапиталистического пути развития России, возможность которого допускал Маркс, то в исторической ретроспекции он выглядит сегодня достаточно утопическим. И победоносная пролетарская революция на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

² Архив Маркса и Энгельса. М., 1930. Т. 1. С. 265.

³ См.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 19–21. С. 293.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 415.

Западе, и ее крупномасштабная экономическая и технологическая помощь революционной России, и органический переход крестьянской общины в коллективное хозяйство социалистического типа — все это представляется сегодня скорее романтической мечтой, чем научно обоснованным социальным прогнозом. Думается поэтому, что, если бы письмо Маркса Засулич и было опубликовано уже в 80-х годах XIX века, это вряд ли внесло бы существенные коррективы в судьбы революционного движения в России.

Вспоминая позже об атмосфере, в которой он и его ближайшие товарищи жили в начале 1880-х гг., Плеханов писал: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преобладал в наших глазах наш собственный революционный опыт»¹.

В последние месяцы 1881 г. Плеханов начал работу над переводом на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, знакомство с которым составило, по собственному признанию Георгия Валентиновича, целую эпоху в его жизни². Перевод предназначался для очередного выпуска уже упоминавшейся выше «Русской социально-революционной библиотеки» и оказался для Плеханова делом довольно трудным. Чего стоит хотя бы то, что он столкнулся здесь с большими терминологическими трудностями, преодолеть которые в полной мере Плеханову тогда не удалось. Так, Плеханов употреблял термин «работник» вместо «рабочий», «рабочее сословие» — вместо «рабочий класс». Не избежал он и отдельных ошибок, отмеченных позже В.В.Воровским³. Однако не подлежит сомнению, что в общем и целом Плеханов справился со своей задачей.

Наряду с авторским предисловием к русскому изданию в текст брошюры вошло и краткое предисловие, написанное самим переводчиком. В нем подчеркивалось, что «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух крайностей — отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих, социалистических интересов их партии — с другой. «От организации рабочего класса, — писал Плеханов, — и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения...», причем основы этой организации могут быть заложены уже в настоящее время: ведь рабочие наших промышленных центров начинают мыслить и стремиться к своему освобождению⁴.

Для самого Плеханова работа над переводом «Манифеста», изданного в Женеве в мае 1882 г., завершила период теоретических исканий. Недаром он писал впоследствии, что стал марксистом именно в 1882 г., хотя и не заявил

¹ Плеханов Г.В. Соч. М., 1927. Т. 24. С. 178.

² Там же.

³ См.: Воровский В.В. Соч. М., 1933. С. 91–93, 98–99.

⁴ Плеханов Г.В. Соч. Т. 1. С. 15.

тогда открыто о разрыве с народолюбцами, рассчитывая на то, что часть из них, видимо, тоже способна эволюционировать в сторону марксизма. Характерно, что, обращаясь в январе 1882 г. к Марксу с просьбой написать предисловие к русскому переводу «Манифеста», Лавров сообщал ему, что в роли переводчика выступает молодой человек по фамилии Плеханов — один из самых ревностных учеников Маркса¹.

Каждое новое крупное произведение Маркса и Энгельса, прочитанное Плехановым, прибавляло ему уверенности в правильности занятой им в споре с народолюбцами позиции. Летом 1882 г. Плехановы перебрались в Берн, где Георгий Валентинович надеялся найти те труды Маркса, которых не было в библиотеках других швейцарских городов. Розалии Марковне запомнилось, как в дешевом пансионе в окрестностяхерна они читали вместе работу Маркса «К критике политической экономии», которая произвела на Плеханова огромное впечатление. Можно представить себе, каким ударом для него был в 1882 г. первоапрельский розыгрыш его друзей, сказавших, что Маркс приехал в Кларан и можно будет наконец поговорить с ним по всем интересующим русских революционеров вопросам. Увы, известие оказалось всего лишь шуткой². Встретиться с Марксом Плеханову так и не пришлось: в марте 1883 г. великий основоположник научного социализма скончался.

Поиски путей к соглашению между чернопредельцами и народолюбцами продолжались до осени 1883 г., однако не привели к положительным результатам. Идейные расхождения зашли уже так далеко, что компромисс, желательность которого признавалась обеими сторонами, оказался невозможным. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Плеханова, стал отказ редакторов готовившегося к печати совместного издания «Вестник «Народной воли»» П.Л.Лаврова и Л.А.Тихомирова поместить его полемическую работу «Социализм и политическая борьба». В итоге Георгий Валентинович вышел из состава редакции «Вестника», а 25 сентября 1883 г. в Женеве, где уже примерно год жили Плехановы, появилось написанное им объявление об издании «Библиотеки современного социализма» и создании группы «Освобождение труда».

В ее состав вошли бывшие чернопредельцы: Г.В.Плеханов, В.И.Засулич, Л.Г.Дейч (с ними Плеханов особенно сблизился в эмиграции), П.Б.Аксельрод и В.Н.Игнатов. К сожалению, Л.Г.Дейч уже в 1884 году был арестован германской полицией и выдан царским властям, надолго выбыв, таким образом, из революционной работы, а В.Н.Игнатов в 1885 г. умер от туберкулеза. Бесспорным лидером группы стал Плеханов, который и по уровню своей теоретической подготовки, и по складу характера, и по опыту работы среди пролетариата стоял на голову выше своих товарищей. Активное участие в работе группы принимала и Р.М.Плеханова, хотя формально она и не входила в ее состав.

Задачами группы «Освобождение труда» были распространение идей

¹ См.: К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 458.

² Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 38. Л. 7; Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1988. Ч. 2. С. 101–102.

научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных марксистских сочинений; критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России¹. Члены группы подчеркивали, что будут бороться за свержение абсолютизма, готовить рабочий класс к сознательному участию в политической жизни страны, заниматься его организацией и пропагандой социализма в пролетарской среде. На повестке дня стояла работа по созданию элементов для будущей рабочей социалистической партии в России.

Группа обращалась ко всем русским революционерам на родине и в эмиграции, сочувствующим изложенным в заявлении взглядам, с предложением наладить сотрудничество и совместно выработать программу будущей деятельности. При этом в примечании к обращению, написанном Дейчем, подчеркивалось, что «Черный передел» и «Народная воля» имеют так много общего, что могут действовать в громадном большинстве случаев рядом, дополняя и поддерживая друг друга. Таким образом, даже в сентябре 1883 года разрыв чернопередельцев и народовольцев еще не считался окончательным.

Трудно переоценить значение той огромной работы, которая была проделана членами группы «Освобождение труда» под руководством Плеханова по переводу на русский язык к изданию произведений Маркса и Энгельса. Всего до 1900 г. полностью или в отрывках было издано 30 их важнейших трудов. На долю самого Плеханова выпал перевод «Манифеста Коммунистической партии», отрывка из «Гражданской войны во Франции», устава I Интернационала, речи Маркса о свободе торговли, его тезисов о Фейербахе, книги Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», а также редактирование ряда переводов, сделанных В.И.Засулич. Снабженные предисловиями и комментариями, они получили распространение в России, нередко переиздавались действовавшими там марксистскими группами и сыграли важную роль в процессе перехода от народничества к марксизму.

Важное место в работе группы «Освобождение труда» занимала также публикация оригинальных работ ее членов. В октябре 1883 г. вышла из печати брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», отпечатанная в организованной группой «Освобождение труда» в Женеве собственной типографии. В основу ее был положен текст статьи, предназначавшейся Плехановым для «Вестника "Народной воли"», а теперь значительно дополненной и отредактированной автором в сторону некоторого смягчения критики народовольцев. Характерно, в частности, что Плеханов не счел нужным подробно обсуждать здесь проблему террора, отчасти потому, что после 1 марта 1881 г. сама жизнь приглушила ее остроту, отчасти потому, что полемический заряд брошюры «Социализм и политическая борьба» был и без того очень силен. Ведь Плеханов осмелился поднять теоретическую шпагу

¹ Плеханов Г.В. Соч. М., 1923. Т. 2. С. 22–23.

против таких авторитетов, как Прудон, Бакунин, Ткачев, аргументированно противопоставив им взгляды Маркса и Энгельса. При этом он счел необходимым особо подчеркнуть, что «общие философско-исторические взгляды Маркса... обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности»¹, хотя ни Маркс, ни Энгельс никогда не сбрасывали со счетов экономические особенности той или иной страны, в том числе и факта наличия в России такого своеобразного социального института, как община.

Эпиграфом к своей работе Плеханов взял слова из «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Он убедительно показал, что борьба за социализм невозможна без политической борьбы. Больше того, Плеханов четко разграничил демократический и социалистический этапы революции, подчеркнув, что единственной «нефантастической целью» русских революционеров на первом этапе может быть только борьба за демократическую конституцию страны и выработка элементов для создания рабочей социалистической партии. При этом революционной силой, которая покончит с бесправием и эксплуатацией в России, как и на Западе, он считал промышленных рабочих, обладающих по сравнению с крестьянством «большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором»².

Выступая против «социалистического нетерпения» народолюбцев и чернопеределцев, Плеханов в то же время был убежден, что между свержением самодержавия и победой пролетариата пройдет в России сравнительно немного времени. Мы можем надеяться, писал Плеханов, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Русская буржуазия запоздала в своем развитии еще больше, чем немецкая, и господство ее не может быть продолжительным. При этом Плеханов подчеркивал, что многое в сближении двух этапов революционного движения в России будет зависеть и от самих революционеров, то есть от субъективного фактора³. Принципиально важное значение имел тот факт, что уже в первой крупной марксистской работе Плеханова было четко сформулировано кардинальное положение научного социализма о диктатуре пролетариата, задачей которой, по мысли автора, являлось бы не только разрушение политического господства эксплуататорских классов, но также устранение анархии производства и «сознательная организация всех функций социально-политической жизни»⁴. В конце концов, писал Плеханов, достигший политического господства революционный класс только тогда сможет сохранить за собой это господство и будет в относительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти.

Однако Плеханов предупреждал, что диктатура рабочего класса не име-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 72.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 101.

ет ничего общего с диктатурой группы революционеров, к которой так стремились народовольцы. Ведь речь идет о диктатуре достаточно развитого в социальном и политическом отношениях класса, обладающего необходимым политическим опытом и воспитанием, сознающего свою силу и уверенно-го в победе. «Но такой пролетариат, — подчеркивал Плеханов, — и не позволит захватить власть даже самым искренним своим доброжелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политическо-го воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что та-кая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опе-ка была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков... Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем чтобы, покончивши со своими врага-ми, устроить общественную жизнь на началах не анархии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пананархии, которая дала бы возмож-ность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устране-нии препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумыва-нии социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен»¹. Прекрасные и, увы, надолго забытые затем слова!

Прогнозируя вероятные последствия преждевременного захвата власти революционерами в условиях России, Плеханов приходит к следующему выводу: предоставленное естественному ходу вещей, «экономическое ра-венство», которого хотят добиться революционеры, в условиях товарного производства неизбежно сменится новым социальным расслоением. Если же революционеры попытаются организовать национальное производство «сверху», то окажутся перед неутешительной перспективой, поскольку со-циалистическая организация производства в России невозможна (этому помешают его низкий технический уровень, частнособственнические при-вычки трудящихся и непрактичность самих революционеров), им придется искать спасение в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», при котором производством будет заведовать «социалистическая каста». Но при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но «или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредствен-ной целью революционного правительства»².

¹ Там же. С. 101–102.

² Там же. С. 105.

Плеханов ошибся лишь в одном: он считал, что «перувианский коммунизм» невозможен в XIX в. и тем более в XX в. даже в Восточной Европе, поскольку русский народ «слишком развит, чтобы можно было льстить себе надеждой на счастливый исход таких опытов над ним»¹. Сталин, создавший в Советской России административно-командную систему, доказал, что подобные эксперименты даже в XX в. возможны. И не только в России.

Плеханов коснулся в брошюре «Социализм и политическая борьба» и такого важного вопроса, как взаимоотношения между пролетариатом и двумя его возможными союзниками по борьбе с царизмом — либеральной буржуазией и крестьянством. Он считал недальновидным пугать либералов «красным призраком» социализма, рассчитывая на возможность присоединения очень многих представителей русского либерализма к конституционной программе марксистов. Реализм этой программы вызвал бы у либералов сначала сочувствие, а потом и решительную поддержку революционеров, хотя скорее всего возникло бы самостоятельное буржуазно-демократическое движение. И тогда, заключил Плеханов, пробил бы час падения абсолютизма, причем социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль².

Плеханов подчеркнул далее, что отнюдь не считает, будто социалистическое движение не может встретить поддержки в крестьянской среде, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. В общем и целом русское крестьянство, по мнению Плеханова, отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». Но следует учитывать, продолжал он, что крестьянство, живущее при отсталых социальных условиях, по сравнению с рабочими менее способно к сознательной политической инициативе и менее восприимчиво к пропаганде социализма, которую ведет революционная интеллигенция. Вот почему на первых порах революционерам следовало бы сосредоточить свое главное внимание на промышленных центрах и рабочих. Затем, после завоевания политической свободы и организации рабочей партии, последняя должна будет начать систематическую пропаганду социализма среди крестьянства. Отдельные случаи такой пропаганды возможны, по мнению Плеханова, уже и теперь. Едва ли нужно особо оговаривать, заключал он, что, если бы началось сильное и самостоятельное крестьянское движение, социалисты должны были бы оперативно изменить распределение своих сил, предназначенных для работы в массах³.

Общественный резонанс, который вызвала первая крупная марксистская работа Плеханова, был огромен. По вполне понятным причинам народовольцы встретили ее в штыки. Лавров язвительно называл автора брошюры «господином» и упрекал членов группы «Освобождение труда» в том, что для них полемика с «Народной волей» более своевременна, чем борьба с рус-

¹ Там же.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 110–111.

ским правительством и другими эксплуататорами русского народа. С яростными нападками на Плеханова выступил и Тихомиров. В России брошюра «Социализм и политическая борьба» вызвала бурные споры, но все сходилось на том, что она произвела сильное впечатление. «Плеханов оказывается гораздо популярнее, чем литературные силы старика Лаврова», — сообщали в Женеву из России. Брошюра распространялась не только в Петербурге и Москве, но и в Харькове, Киеве, Перми и других местах. Весной 1884 г. в нелегальном журнале петербургских студентов «Свободное слово» была помещена первая в России рецензия на работу Плеханова, причем рецензент целиком солидаризировался с выдвинутой в брошюре политической программой¹. Хорошо известно, какую высокую оценку «Социализму и политической борьбе» дал Ленин, назвавший ее первым «Символом веры» русского социал-демократизма².

В феврале 1885 г. в Женеве вышла вторая книга Плеханова — «Наши разногласия», явившаяся логическим продолжением и развитием идей, выдвинутых в «Социализме и политической борьбе». Он работал над ней летом 1884 г., и этим же годом помечена часть ее тиража, отпечатанного в женевской типографии группы «Освобождение труда». «Наши разногласия» стали третьим выпуском «Библиотеки современного социализма» и были целиком посвящены критике народнической доктрины и программы «Народной воли».

В отличие от «Социализма и политической борьбы», где Плеханов практически обошел вопрос о капиталистическом развитии России, в «Наших разногласиях» он рассмотрел эту проблему в двух специальных главах. При этом Плеханов подчеркнул, что споры о судьбах капитализма в России фактически уже решены самой жизнью. «За капитализм, — писал он, — вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость этого движения»³. При этом Плеханов анализирует доступный ему фактический материал о развитии крупной и мелкой промышленности в России, состоянии внутреннего рынка, росте пролетариата и разложении крестьянской общины. Своему итоговому выводу Плеханов придал, как всегда, яркую, образную форму: главный поток русского капитализма пока еще невелик, но в него со всех сторон вливается такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и рек, что быстрый рост потока не подлежит сомнению, его уже нельзя ни остановить, ни высушить, писал он⁴.

Сейчас среди историков все больше утверждается взгляд, согласно которому русские марксисты, начиная с Плеханова, недооценили жизнестойкость крестьянской общины. Вплоть до столыпинской аграрной реформы ее охраняло царское правительство, да и значительная масса крестьян, высту-

¹ См.: 1983 / Памятные книжные даты. М., 1983. С. 21–22.

² См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 4. С. 311.

³ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 288.

⁴ Там же. С. 289.

павших за уравнилельное трудовое землепользование и видевших в общине институт своеобразной социальной защиты мужика от помещика и кулака, стихийных бедствий и разорительных налогов, тоже цепко держалась за свой «мир» и до Столыпина, и при нем. Ценили крестьяне и тот древний демократизм, который хотя бы частично сохранялся в сельских обществах при решении общественных дел. Как показали события первой российской революции, крестьянская солидарность в борьбе с помещиками в значительной степени базировалась на общинных традициях, стойко сохранявшихся в деревне. Но главное состояло в том, что оказалось возможным длительное сосуществование общины и капитализма, что явно не укладывалось ни в традиционные народнические схемы, с которыми боролся Плеханов, ни в его собственные марксистские представления.

Община не сыграла роли барьера, способного предотвратить капиталистическое расслоение деревни, хотя она в какой-то мере и замедлила его. Но она и не рухнула под натиском новых, буржуазных отношений, как предсказывали марксисты. Вполне вероятно, что если бы история — эта до крайности ироническая старуха, как не раз называл ее Плеханов, — отпустила бы российскому капитализму более длительный срок, он в конце концов сумел бы «перемолоть» и такой крепкий орешек, как община. Однако в реальной действительности фермерский, «американский» путь развития сельского хозяйства, требовавший полной ликвидации помещичьего землевладения, значительных материальных ресурсов и совершенно новой крестьянской психологии, оказался в России лишь одной из возможных тенденций развития, но полностью победить вплоть до 1917 г. так и не смог. Таким образом, в вопросе о судьбах общины жизнь оказалась мудрее и народников, и марксистов. Недаром Ленину пришлось в 1917 г. взять за основу знаменитого Декрета советской власти о земле эсеровскую аграрную платформу, построенную с учетом общинных идеалов русского крестьянства. Однако это отнюдь не означает, что по кардинальному вопросу о судьбах капитализма в России Плеханов в споре с народниками был не прав. Независимо от решения вопроса о судьбах общины, непреложный факт быстрой эволюции страны по капиталистическому пути был зафиксирован им с величайшей научной точностью и добросовестностью. А это означало, что будущее России — сначала за капитализмом, а затем за пролетарским социализмом, который рано или поздно должен был прийти на смену буржуазному порядку.

Однако искусственное форсирование этого естественно-исторического процесса было чревато, по мысли Плеханова, поистине фатальными последствиями. Народовольческая идея соединения демократического и социалистического переворотов была подвергнута Плехановым справедливой критике еще в работе «Социализм и политическая борьба». В «Наших разногласиях» он продолжил эту тему, ярко нарисовав картину возможных последствий преждевременной социалистической революции по рецепту главного идеолога «Народной воли» Льва Тихомирова — установление «обновленного царского деспотизма на коммунистической подкладке», возрождение эконо-

мического неравенства, откат общества назад¹. Деревня и после экспроприации крупных землевладельцев продолжала бы жить по законам товарного производства, рождающего капитализм, и здесь, по мнению Плеханова, не помогла бы даже общественная обработка полей (если бы ее ввели по декрету революционного правительства), ибо «от общественной обработки полей немногим ближе до коммунизма, чем от общественной работы на барщине или от “общественных запасек, вводившихся при Николае Павловиче с помощью штыков и розог”»². Точно так же бессильна была бы помощь России и европейская пролетарская революция, ибо крестьянские страны типа России скорее всего оказались бы невосприимчивыми к ее влиянию. В итоге Плеханов приходит к неутешительному прогнозу, целиком и полностью совпадавшему с мнением Энгельса, высказанным в его известной работе «Крестьянская война в Германии»: самым худшим из всего, что может случиться с вождем революционной партии, является вынужденная необходимость овладеть властью тогда, когда революционное движение еще не созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. И тот, кто раз попал в это ложное положение, пропал безвозвратно³.

Исходя из этого, Плеханов предлагал двигаться к коммунистической цели поэтапно, начав с создания социалистической марксистской рабочей партии, которая будет вести самостоятельную классовую линию и в предстоящей буржуазной революции, необходимой для свержения самодержавия, и в последующей борьбе за революцию социалистическую. Главной силой революционного процесса в России, по мнению Плеханова, будет пролетариат. Что касается буржуазии, то автор «Наших разногласий» предпочитает воздержаться от каких-либо определенных прогнозов относительно ее позиции, констатируя лишь, что она переживает важную метаморфозу: у нее развились уже легкие, требующие чистого воздуха политического самоуправления, но не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она привыкла дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Больше того, Плеханов подчеркивает, что русская буржуазия прекрасно умеет извлекать пользу из самодержавного режима и «потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях...»⁴.

И еще один чрезвычайно важный для стратегии будущей пролетарской партии момент был отмечен Плехановым в «Наших разногласиях»: акцентируя внимание на работе революционеров в пролетарской среде, он подчеркивал, что марксисты не жертвуют деревней в интересах города, не игнорируют крестьянства ради промышленных рабочих. Наша программа, писал Плеханов, «ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения»⁵.

¹ Там же. С. 323, 329.

² Там же. С. 325–326.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 422–423.

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 224.

⁵ Там же. С. 367.

Остро полемичная, блестяще написанная и чрезвычайно актуальная по своему содержанию, книга «Наши разногласия» не могла не вызвать самого горячего отклика в революционной среде. Ее первый читатель, наборщик Бохановский, разделявший взгляды народovolьцев, сначала даже хотел в знак протеста бросить работу по набору плехановской рукописи, но затем она так захватила его, что он не только довел дело до конца, но и задумался над правильностью многих своих прежних взглядов. Лидер народovolьческой эмиграции Лев Тихомиров, ставший основной мишенью критики со стороны Плеханова, напротив, дал «Нашим разногласиям» самую отрицательную оценку в «Вестнике “Народной воли”». В издававшемся в Женеве русском эмигрантском журнале «Общее дело», где публиковались статьи как революционного, так и либерального характера, появилась большая анонимная рецензия на «Наши разногласия» с обвинениями Плеханова в слепом преклонении перед авторитетом Маркса и Энгельса и приверженности «так называемому диалектическому методу», от которого русская интеллигенция уже якобы давно отказалась, отдав предпочтение «реалистической методологии» Спенсера, Бокля, Милля и Конта.

Крайне противоречивы были и отклики на книгу «Наши разногласия» в России, куда она была нелегально доставлена в 1885 г. Многие народники видели в ней «оскорбление святыни», «службу реакции», а иногда дело доходило и до сожжения этого замечательного произведения Плеханова. Общую атмосферу, в которой проходило чтение «Наших разногласий» в одном из нелегальных кружков в Казани, хорошо передал А.М.Горький в повести «Мои университеты». После окончания чтения, вспоминал он, комната наполнилась возгласами возмущения: «Ренегат!», «Это — плевок в кровь, пролитую героями». С другой стороны, члены одной из первых марксистских групп, возникших непосредственно в России, — «Партии русских социал-демократов» во главе с обучавшимся в Петербургском университете студентом-благарином Димитром Благоевым, горячо одобрили книгу Плеханова¹.

Вскоре у Плеханова установился контакт с благоевцами, и во втором номере издававшейся ими в Петербурге нелегальной социал-демократической газеты «Рабочий» была опубликована его статья «Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)». Здесь Плеханов повторил свою мысль о необходимости создания в России социал-демократической рабочей партии. «Называя ее партией, рабочей по преимуществу, — подчеркивал Плеханов, — я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними»². Таким образом, будущая рабочая партия будет избавлена от сектантства и сумеет привлечь к себе лучшую часть всех демократических слоев. Задачу этой партии Плеханов видел в борьбе за освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и за политическую свободу для всего народа. При этом он подчеркивал, что в условиях самодержавной России предпосылкой для решения таких задач должно будет стать насильственное

¹ См.: 1985 / Памятные книжные даты. М., 1985. С. 26.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. 11. С. 363.

устранение царизма, а «полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую»¹. Плеханов предполагал продолжить сотрудничество с газетой «Рабочий», но разгром ее типографии в начале 1886 г. помешал осуществлению его планов.

Знакомство с «Нашими разногласиями» ускорило переход на марксистские позиции и петербургской группы под руководством П.В.Точисского — дворянина по происхождению, порвавшего со своим классом, ставшего рабочим и организовавшего в конце 1885 г. «Товарищество Санкт-петербургских мастеровых». Изучали «Наши разногласия» и в «Рабочем союзе» М.И.Бруснева (1889–1892).

Известно также, что обе работы Плеханова — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» — горячо обсуждались в кружке А.И.Ульянова (он еще до попытки покушения на Александра III скрылся за границей). Один из его членов, О.М.Говорухин, писал Лаврову в мае 1887 г., что хотя их группа и не сделала окончательного выбора между народофильской и социал-демократической программами, но находила воззрения Плеханова «очень дельными». Правда, Говорухин делал оговорку, что «неприлично резкий и грубый способ полемики» Плеханова вызывал у читателей антипатию, но признавал, что Плеханов теперь «сильно распространяется, читается». Больше того, работы Плеханова стимулировали обращение революционной молодежи к сочинениям Маркса и заставили особенно серьезно изучать современное экономическое состояние России, судьбы общины, причины ее разложения, уровень развития капитализма и т.д.»²

С особым волнением ждал Плеханов отзыва о «Наших разногласиях» Ф.Энгельса, получившего книгу от В.И.Засулич. В апреле 1885 г. Энгельс сообщил ей, что прочитал пока лишь первые 60 страниц, то есть не дошел даже до конца введения, но в общем и целом познакомился с разногласиями между русскими народниками и марксистами. Я горжусь, писал Энгельс, что среди русской революционной молодежи существует теперь партия, которая «искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»³.

В недавнем прошлом цитирование этого письма Энгельса обычно обрывали на этом весьма лестном для группы «Освобождение труда» комплименте. Однако дальше Энгельс фактически солидаризировался с народофильской тактикой, вызвав, вероятно, полное смятение в сердцах первых русских марксистов, которые могли ожидать от него чего угодно, но только

¹ Там же. С. 372.

² См.: Итенберг Б.С. Группа «Освобождение труда» и П.Л.Лавров // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984. С. 126.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 260.

не этого. Энгельс сразу же оговаривался, что он «слишком невежествен» в вопросах, касающихся современного положения России и тактики русских революционеров. Кроме того, ему почти неизвестна «внутренняя, интимная история русской революционной партии», без чего трудно составить мнение о ее реальных возможностях¹. Между тем, подчеркивал Энгельс, выработка выдержанной и последовательной революционной тактики требует приложения Марксовой теории к конкретным экономическим и политическим условиям России. Вот почему он не считал себя вправе выступать третьей-судьей в спорах между народниками и группой «Освобождение труда». Тем не менее Энгельс считал, что Россия приближается к своему 1789 г., то есть стоит накануне буржуазной революции, которая может вспыхнуть, по его мнению, в любой день, особенно после убийства Александра II 1 марта 1881 г. Уникальность ситуации в России, продолжал Энгельс, состоит в том, что здесь налицо один из тех исключительных случаев, когда горстка революционеров одним ударом может заставить рухнуть целую систему, находящуюся в очень неустойчивом равновесии (здесь Энгельс использовал удачную, с его точки зрения, метафору Плеханова), и освободить одним актом, как бы незначителен сам по себе он ни был, такие разрушительные силы, которые потом станут неукротимыми.

По-моему, писал Энгельс, важно, чтобы был дан толчок революции, а под каким знаменем это будет сделано — не так уж важно. Если народовольцы воображают, что могут захватить власть в России, пусть тешат себя этой мыслью. История все расставит по местам: ведь уже не раз революционеры на следующий же день после революции убеждались, что она совсем не похожа на то, о чем они мечтали. Так пусть же они сделают брешь, которая разрушит плотину, — а дальше поток событий скоро образумит их иллюзии. Ведь в России накопилось столько революционных элементов, экономическое положение основной массы народа становится столь невыносимым, а деспотизм так ненавистен всем благородным элементам нации, что за 1789 г. здесь не замедлит последовать 1793-й — год якобинской диктатуры.

Характерно, что Энгельс уже ничего не говорит здесь о крестьянской общине как базе для социалистического эксперимента в России. Правда, он упоминает о ней как об одном из факторов, с которыми должны будут считаться русские революционеры, но подчеркивает, что в России представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая крупнейшей промышленностью и современными финансами. С другой стороны, Энгельс акцентирует внимание на том, что русский деспотизм насильственно сдерживает острейшие противоречия, накопившиеся в стране, а потому его насильственное устранение действительно развяжет ту колоссальную энергию, которая накопилась в народе.

Нетрудно представить себе, с каким чувством читал Плеханов это письмо глубоко уважаемого им великого теоретика научного социализма. Натуру менее стойкую эти несколько листов почтовой бумаги могли бы смять, по-

¹ Там же.

вергнуть в панику, уныние, полную растерянность. Но Плеханов хорошо понимал, что суждения Энгельса базируются на далеко не полной, во многом односторонней информации о положении дел в России и в русском революционном движении, которую он и Маркс получали от народовольцев, в частности от Льва Гартмана. Жгучая ненависть Маркса и Энгельса к царизму как оплоту всей европейской реакции, их преувеличенные представления о возможностях и влиятельности «Народной воли», тот ореол жертвенности и мученичества, который окружал тогда на Западе образ русского революционера-террориста, наконец, здоровый революционный прагматизм, заставлявший иногда основоположников научного социализма жертвовать «чистой» теорией ради интересов европейской пролетарской революции, которая должна была, по их мнению, получить мощный импульс из новой, свободной России, — все это, вместе взятое, во многом объясняло позицию Маркса и Энгельса в первой половине 1880-х гг.

В дальнейшем ситуация во многом изменилась, и в 1894 г. Энгельс признал, что «время избранных народов миновало безвозвратно» и что развитие капитализма и распад общины шагнули в России далеко вперед. При этом ближайший соратник Маркса был убежден, что без победы западноевропейского пролетариата социалистическое переустройство общества в России ни на основе общины, ни на основе капитализма будет невозможно¹. Совсем иным стало и отношение Энгельса к Плеханову, с которым он лично познакомился в 1889 г. и высоко оценил его талант. Я знаю лишь двух людей, которые вполне поняли учение Маркса, говорил Энгельс. Эти двое — Мering и Плеханов. Известна и другая оценка Энгельсом Плеханова: не ниже Лафарга или даже Лассалья². И как бы мы сейчас ни относились к подобным сравнениям, несомненно одно: в устах Энгельса они были явной похвалой Плеханову.

Завершая рассказ об этом большом и чрезвычайно сложном этапе в жизни нашего героя, хотелось бы сказать, что своеобразным его итогом стали проекты программы группы «Освобождение труда» (специалисты считают, что их было три), написанные Плехановым в 1883–1885 гг. На протяжении долгого времени в нашей исторической литературе преобладало, если так можно выразиться, снисходительно-пренебрежительное отношение к этим плехановским документам, которые на фоне Программы РСДРП, принятой на II съезде партии в 1903 г. и созданной усилиями Плеханова, Ленина и других членов редакции «Искры», действительно могут показаться местами расплывчатыми, а в чем-то даже наивными. При этом всегда указывалось на наличие в проектах программы группы «Освобождение труда» лассальянских по своему происхождению пунктов о необходимости добиваться государственной помощи производственным ассоциациям в городе и деревне, замены парламентаризма прямым народным законодательством, а также на условное признание Плехановым возможности террористических методов борьбы, отсутствие в программах термина «диктатура пролетариата» и крайнюю абстрактность аграрного раздела (требование «радикального пересмо-

¹ Там же. Т. 22. С. 449–453.

² См.: Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. Ч. 2. С. 104, 182.

тра наших аграрных отношений», то есть условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ)¹.

Будем, однако, справедливы в наших оценках. Совершенно очевидно, что достоинства плехановских проектов, которые стояли вполне на уровне программных документов международной социал-демократии той поры, значительно перевешивали отдельные ее пробелы и недостатки. Не будем также забывать о незавершенности в то время в России процессов формирования основных классов капиталистического общества, отсутствии в 80-х годах сильного крестьянского и буржуазно-либерального движения, спорадическом характере пролетарских стачек и т.д. Вот почему было по меньшей мере не исторично подходить к программным документам группы «Освобождение труда» с теми же мерками, с какими мы подходим к Программе РСДРП 1903 г.

Плеханов действительно не упоминал в программе группы «Освобождение труда» о диктатуре пролетариата, хотя в «Социализме и политической борьбе» о ней говорилось совершенно определенно. Но он писал здесь о «захвате рабочим классом политической власти» и о «временном господстве рабочего класса», которое позволит парализовать сопротивление контрреволюции и положить конец существованию классов и их борьбы², а этого для 80-х годов XIX века применительно к такой стране, как Россия, было в общем и целом достаточно. Точно так же не следует проявлять излишнюю строгость при оценке аграрной программы группы «Освобождение труда», ибо Плеханов в принципе признавал тогда национализацию земли, о чем уже говорилось выше (позже он стал защищать так называемую муниципализацию земли, рассматривая ее как гарантию от реставрации самодержавия, тогда как национализация, по его мнению, могла бы лишь усилить и без того непомерно централизованное бюрократическое Российское государство типа восточной деспотии). Что касается революционного террора, то в 1905 г. возможность подкрепить массовые выступления народа отдельными террористическими акциями революционеров допускал и Ленин. А разве не было рождение Советов и развитие революционной самостоятельности масс, которыми так восхищались большевики в том же 1905 г., в чем-то сродни плехановско-лассальянскому отрицанию буржуазного парламентаризма?

Хотелось бы подчеркнуть, что, работая в 1899 г. над проектом программы российской социал-демократии, Ленин обратился прежде всего к проекту программы группы «Освобождение труда» и дал ему очень высокую оценку. «Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, — писал Владимир Ильич, — он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории». Поэтому, продолжал Ленин, русские социал-демократы должны положить в основу своей программы именно проект группы «Освобождение труда», который нуждается лишь в частных редакционных изменениях³.

¹ См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 380.

² Там же. С. 378.

³ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 4. С. 216–217.

Еще один характерный штрих: беспощадно критикуя Плеханова-меньшевика, Ленин вместе с тем объективно отмечал, что в программе группы «Освобождение труда» за 20 лет до начала в России революции была признана неизбежность «радикального пересмотра» условий крестьянской реформы 1861 г. Подчеркивал Ленин и другое: Плеханов в 80–90-х годах XIX века «неоднократно и в самых решительных выражениях» писал о громадной важности крестьянского вопроса в России¹. Но если Плеханов был безусловно прав, когда подчеркивал, что русское революционное движение еще почти не встречало в 1880-х гг. ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания крестьянства (хотя его торжество пошло бы на пользу прежде всего именно крестьянам), то другой его тезис из второго проекта программы группы «Освобождение труда», гласивший, что главнейшая опора русского абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьян², можно все же отнести к числу публицистических преувеличений.

Плеханов провозглашал, что конечная цель социал-демократов состоит в коммунистической революции и полном освобождении труда от гнета капитала, которое может быть достигнуто путем перехода всех средств и предметов производства в общественную собственность. Коммунистическая революция, писал он, будет возможна лишь при участии в ней всех или по крайней мере нескольких цивилизованных обществ. Что касается России, то здесь трудящиеся массы находятся под двойным гнетом развивающегося (но не ставшего еще господствующим) капитализма и отживающего патриархального хозяйства и ближайшей целью рабочей партии, которую предстоит создать, является завоевание демократической конституции и осуществление ряда общедемократических преобразований, подробно перечисленных в проекте³.

Теперь Плеханову и его товарищам предстояла борьба за реализацию своих замыслов. Русский марксизм стал благодаря их усилиям реальностью. Сейчас задним числом к нему можно предъявить немало претензий и критиковать за тенденцию к догматизму и излишней идеологической жесткости, нетерпимость к инакомыслию, идеализацию рабочего класса, недооценку революционных потенций крестьянства, фетишизацию марксистской партии. Неизгладимый отпечаток на русский марксизм наложило и то важное обстоятельство, что рождался он в борьбе с народничеством, часто воспроизводя — только в «обратной симметрии» — его преувеличенные или односторонние трактовки общественных явлений в России. Можно услышать и мнение о том, что Плеханов был слишком «послушным» учеником Маркса, безоговорочно принявшим для России ту схему общественного развития, которая отражала реалии Западной Европы. Наверное, во всем этом есть доля истины, как и в суждении о том, что Плеханову при всем его могучем интеллекте все же не хватало того орлиного полета, который был характерен для мысли Маркса.

¹ Там же. Т. 16. С. 232; Т. 12. С. 242.

² См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 378.

³ Там же. С. 377–380.

И все же главное заключается в том, что в начале 80-х годов XIX века Плеханов, если пользоваться образами любимой им древнегреческой мифологии, нашел ту нить Ариадны, которая помогла русским революционерам выбраться из невероятно сложного и запутанного лабиринта, где, несмотря на весь их героизм, заблудились народники. Этой нитью стало учение Маркса, которое вскоре удалось соединить с могучим движением пролетариата. Таким образом, благодаря усилиям Плеханова и его товарищей общественная мысль России поднялась на принципиально новую ступень. А дальше, как это всегда бывает в жизни, предстояли новые споры и поиски, новая борьба, новые обретения и потери...